

БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА

ОЛЕГ ЯКУБОВ

**УБИТЬ
БИН
ЛАДЕНА**

16+

Якубов Александрович

Убить Бин Ладена

«Автор»

2013

Александрович Я. О.

Убить Бин Ладена / Я. О. Александрович — «Автор», 2013

Острюжетный детективный роман известного журналиста-международника, писателя Олега Якубова повествует о деятельности разведчика, внедренного в ближайшее окружение самого известного в мире террориста Усамы Бин Ладена. Олег Якубов - член Союза русскоязычных писателей Европы, автор более двадцати книг и многих киносценариев. Удостоен престижных журналистских и литературных премий.

© Александрович Я. О., 2013

© Автор, 2013

Библиотека детективного романа

—

ОЛЕГ ЯКУБОВ

УБИТЬ БИН ЛАДЕНА

ЧАСТЬ 1

ПРАВО НА ОДИНОЧЕСТВО

Глава первая

Тюрьма Гуантанамо, остров Куба

Еще перед посадкой в самолет ему на голову надели мешок без всяких прорезей. Дышать было трудно, но через какое-то время он приспособился. Летели долго, больше десяти часов – это точно. Ему не нужно было даже на часы смотреть, во времени и пространстве он уже давно научился ориентироваться практически безошибочно. Удивительно было другое: за все время полета на борту военно-транспортного самолета никто не произнес ни слова, хотя по ощущениям в самолете людей было немало. Наконец, «Боинг» всей своей массой тяжело плюхнулся на бетонку посадочной полосы и через несколько минут в открытый люк полыхнул нестерпимый зной.

Потом была петляющая тряская дорога в закрытом автофургоне, чьи-то жесткие руки поволокли его по крутой лестнице вниз, щелкнули замки наручников и кандалов, лязгнули засовы закрываемой двери и он, содрав с головы насквозь промокший от пота опостылевший мешок, увидел, что находится среди четырех бетонных стен, с которых, кое-где стекая, с гулким противным звуком, распространяя зловоние, капала вода. Растирая затекшие руки и ноги, заключенный прошелся по камере – одинаковое количество шагов, что вдоль, что поперек.

«Место, для прогулок явно не приспособленное», подумал он с иронией и в этот самый момент зазвучала музыка. Да нет, даже не музыка, а душераздирающие звуки, сливающиеся в явно каким-то иезуитом продуманную какофонию. Почти до изнеможения обессиленный невыносимо долгой дорогой, он было присел у стены, обхватив голову руками, как тут же в невидимом динамике прозвучал металлический окрик: «Встать!»

«Интересно, если не встану, вломятся охранники и поднятятся заставят палками, либо коваными ботинками», подумалось ему, но испытывать судьбу таким образом просто не оставалось сил и он предпочел за благо выполнить команду.

Припомнился старый, еще в детстве виденный фильм, где герой-разведчик, оказавшийся в подобной «музыкальной шкатулке», чтобы меньше испытывать муки жары, или, по крайней мере, мыслями отвлечься, читал стихи про снег, зиму и морозы. И хотя поэзию, особенно русскую он любил, стихов знал множество, но здесь, в бетонном мешке, где прикипало в самый мозг это идиотское переплетение звуков, ни про зиму, ни про морозы трескучие ничего в голову не лезло. Так что просто стал вспоминать, как несколько лет назад оказался на высокогорных отрогах Памира, Было это в самом начале сентября, а может, даже и в конце августа. Но снег тогда выпал ранний и мороз ударил нешуточный. У него же теплой одежды при себе не было никакой и мерз он как цуцик, а спирт в поллитровой фляге закончился, как он его не растягивал, уже на третий день. И еще два дня он согревал себя пробежками, да гимнастикой, а потом, когда, наконец, закончился этот снежный шквал и его забрали вертолетчики, две недели валялся в крохотной и не очень чистой сельской больничке с двусторонним воспалением легких, куда не сбежал оттуда к чабанам и те лечили его курдючным бараньим жиром, в который добавляли отдающий мятой и еще какими-то травами отвар, и это снадобье возвращало ему силы с каждым глотком.

Тогда, на Памире, он все же умудрился отморозить пальцы ног и уши и до сих носить тесную обувь и надевать через голову жесткий свитер ему было больно.

Воспоминания о той памирской эпопее и впрямь помогли ему отвлечься. Но он тут же обругал себя за nepoзвoлитeльную в данных обстоятельствах слабость, а главное – за то, что потерял счет времени, а это в его ситуации было недопустимо. Временной фактор сейчас был важен, впрочем, как и всегда, по крайней мере, за последние полтора десятка лет, когда от четкого контроля за временем нередко зависел исход дела, а порой и сама жизнь. Часы у него отняли еще при аресте – прекрасные часы, с множеством так необходимых ему функций, и теперь нужно было сосредоточиться и не только восстанавливать, но и сопоставлять события со временем, причем сопоставлять так, чтобы расхождения по возможности оказались минимальными.

С арестом он, кажется, подставился вполне убедительно, а уж когда его оглушили чем-то по затылку, тут и вовсе играть не пришлось: сознание потерял на самом деле, правда ненадолго. Но показывать, что сразу пришел в себя, не следовало, важнее было правильно оценить обстановку. Осторожно, практически незаметно, приоткрыв веки, увидел, что сигарета, которую курил сержант, когда еще только приближался к нему, передергивая затвор автомата, все еще тлеет. Да к тому же второй солдат, наклонившись над ним, замыкал на его запястьях и ногах стальные браслеты. Если учесть, что в среднем американская сигарета выкуривается за семь-восемь минут, значит, времени на его пленение ушло совсем немного, ну, максимум, минут пять-шесть. А сейчас, так же тщательно, предстояло просчитать, сколько времени занял короткий допрос, дорога на аэродром, полет в самолете и добавить время, уже проведенное здесь. По его расчетам выходило, что прошло около шестнадцати часов и, значит, уже наступили новые сутки, 11 января 2012 года. Он тут же усмехнулся этому на самом деле удивительному совпадению: если он добился своей цели и его доставили в Гуантанамо, то именно сегодня тюрьма, о которой ссуды и пересуды не смолкают уже несколько лет и легенды по всему миру распространяются одна фантастичнее другой, то именно эта тюрьма, принявшая первых заключенных 11 сентября 2002 года, «отмечает» сегодня свой десятилетний юбилей. Теперь следовало немедленно восстановить в памяти все, что он знал об этом месте. Услужливая, великолепно натренированная память, не подвела его и на этот раз.

В свое время он прочитал о Гуантанамо все, что удалось раздобыть в открытой печати и закрытых сообщениях, не раз разговаривал с теми, кто уже бывал здесь, выуживая у очевидцев самые мельчайшие, на первый взгляд, незначительные детали, и теперь, стоя в тесном бетонном мешке и на самом деле не обращая внимания на душераздирающие звуки, он сумел от всего абстрагироваться и без особого напряжения вспоминал все, что удалось узнать.

Десять лет назад создание этой тюрьмы сочли очень ловким ходом администрации президента США Джорджа Буша-младшего. Лагерь образовали на территории военно-морской базы США «Гуантанамо-бэй» на Кубе. База безоговорочно считается американской, так как ее территория когда-то была отдана американцам бессрочно, однако находится вне США и потому не подпадает под юрисдикцию американской конституции. Как достаточно цинично и откровенно, в чисто американской манере, выразился кто-то из генералов в близком окружении Буша, «идеальное место содержания боевиков незаконных вооруженных формирований, не защищенных принятыми правилами войны». Если перевести это высказывание на общепринятые понятия, то здесь у американцев были развязаны руки для применения «самых разнообразных» методов дознания. Собственно, ничего нового американцы не придумали. Да и к чему, если многовековая история издевательства человека над человеком уже давно все расставила на свои чудовищные места, вписав в анналы пытки настолько чудовищные и жестокие, что вряд ли можно выдумать еще хоть что-либо изощреннее, поскольку самые изощренные пытки изобрели еще несколько столетий назад. Одними из наиболее распространенных в Гуантанамо методов были пытки музыкой, лишение сна и имитация утопления. На заключенного надевался целлофановый пакет, который туго затягивался на шее. Сверху на него обрушивали потоки воды, так что человек практически испытывал все то, что испытывает тону-

щий. Поговаривали, что свыше четырнадцати секунд эту пытку еще не удавалось выдержать никому. Но два года назад нынешний президент Америки, подписав соответствующее распоряжение, запретил эту пытку.

За первые несколько лет через Гуантанамо прошли 750 боевиков террористических организаций исламского толка. Около трехсот из них за это время либо полностью освободили, либо перевели в другие тюрьмы. Некоторых экстрадировали в те страны, гражданами которых они являлись. К тому же Верховный суд США принял решение, в соответствии с которым заключенные Гуантанамо получили право обращаться в обычные гражданские суды Америки. После этого решения суды завалили жалобами и в подавляющем числе случаев суд принимал решение о незаконности содержания того или иного террориста в Гуантанамо. Одним словом, началась обычная чехарда, за которой, как всегда стояли две основные политические силы США, а также интересы спецслужб и финансистов военно-промышленного комплекса.

Так продолжалось до тех пор, пока не обнародовали список, из которого стало ясно, что большинство освобожденных вернулись к террористической деятельности, а бывший узник Гуантанамо Саид Заир аль-Шахри является одним из лидеров Аль-Кайды, а его бывший сокамерник мулла Ахмад возглавляет боевиков движения Талибан в Афганистане. Все это привело в итоге к тому, что год назад американский президент подписал закон, запрещающий перемещение узников Гуантанамо в другие страны. Исключение составляли лишь единичные случаи, когда задержанный мог доказать свою истинную непричастность к террористическим организациям. И если до этого уже всерьез стали поговаривать о необходимости полного закрытия тюрьмы, то новый закон президента исключал всякие мысли об этом. К тому же здесь, в Гуантанамо, содержался сейчас под усиленной охраной один из лидеров Аль-Кайды, ближайший сподвижник Усамы Бин Ладена – шейх Йохийя ибн Халид. Американцы считают его одним из главных организаторов терактов 11 сентября 2001 года и суд над ним, как уже сообщили, будет проходить непосредственно на территории тюрьмы Гуантанамо...

X x

X

...Музыка прекратилась так же внезапно, как и возникла. Странно, но от этой внезапной тишины даже в ушах заломило. А может, такой эффект был запланирован. Снова загремели засовы, дверь тяжело приоткрылась и в камеру протиснулся солдат. Поведя дулом автомата, он красноречиво указал: на выход. На этот раз не было ни мешка, закрывающего лицо, ни наручников. По крутой каменной лестнице, он поднялся наверх и уже через несколько минут оказался в другой камере. Одна стена была решетчатой, три других – каменные. Вдоль одной из стен топчан с плоским матрасиком, в углу – параша. Сопровождающий солдат достал из нагрудного кармана сложенный листок, развернул его и бесцветным голосом пробубнил инструкцию: подъем, завтрак, прогулка, обед, прогулка, ужин, прогулка перед сном, отбой. В камере запрещается иметь предметы личного пользования. Кроме зубной щетки, пасты и мыла. Прочитав, четко развернулся через плечо и вышел. Через несколько минут за ним снова пришли и отвели в душ. Когда он смыл с себя, как ему казалось, пуд грязи, то на лавке в предбаннике обнаружил просторную полотняную рубаху и штаны. Комплект был оранжевого цвета. Теперь уже сомнений не оставалось – он в знаменитой тюрьме Гуантанамо: только здесь, как всем было известно, заключенных одевают в форму оранжевого цвета.

Не успел он переодеться, его отвели в комнату, напоминавшую медицинский кабинет, опутали проводами и датчиками и, предупредив, что ответы должны быть только однозначными – «да» и «нет», стали задавать вопросы. «Как все одинаково, и не меняется ни в зависимости от стран, ни в зависимости от времени», усмехнулся пленник про себя. В том давнем фильме советского разведчика тоже проверяли на детекторе лжи.

Ночью он спал, как убитый, без сновидений, не испытывая ни малейших неудобств от жесткой подстилки, отсутствия подушки. Просто провалился в глубокий сон, который утром принес ему свежесть и бодрость, готовность к действиям и предельную собранность. А главное вернул способность все видеть, все подмечать, мгновенно сопоставлять самые разрозненные детали и так же мгновенно увязывать их в единую логическую цепь, анализируя стремительно и безошибочно. Завтрак он проглотил, даже не заметив, что именно принесли. Да это было и неважно. Любая еда, какой бы плохой она ни была, сейчас несла в себе единственную, важно необходимую функцию – поддержание физических сил. Все иное – не важно.

Едва ступил на территорию прогулочного двора, затянутого прочной и густой металлической сеткой, как прямо перед его ногами, подняв небольшое облачко пыли, стукнулся мяч. И тут же к нему приблизился запыхавшийся человек. Нет, не запыхавшийся, просто он не очень даже и искусно притворялся, что задыхается от быстрого бега.

– Простите, простите, уважаемый, мне мою неловкость, – затараторил человек, прижимая в полупоклоне руки к груди. А глаза его при этом смотрели настороженно и испытующе. – Мне так неловко, что я помешал прогулке столь уважаемого человека. Еще раз прошу меня извинить.

– Ну что вы, не стоит так извиняться, ведь ничего не произошло, мяч даже не задел меня, лишь упал у моих ног. А вы, я вижу, здесь уже вполне освоились, вот даже в футбол играете, – и, понизив голос почти до шепота, добавил, – уважаемый Салех, или, быть может, здесь к вам следует обращаться как-то иначе?

Он узнал этого человека сразу, когда тот еще только приближался. И хотя Салех относился к той категории людей, которых принято называть «человек без особых примет» и внешне обладал самой неброской и неприметной, его все же отличала одна достаточно характерная примета – весьма заметная диастема – очень редкие передние зубы, которые особенно заметны были, когда он улыбался. Впрочем, и без этой приметы он узнал бы Салеха даже в толпе, и хотя последний раз они виделись довольно давно, та их совместная и весьма для него опасная поездка в Германию сохранилась в памяти навсегда.

– О, уважаемый брат, значит, вы меня узнали, а ведь мы не виделись столько лет, – снова затараторил Салех. – Это большая честь для столь ничтожного человека, как я. Если вам не трудно, называйте меня Азамат, просто Азамат, – и он смущенно захихикал, словно давая понять, что звучное имя Азамат, означавшее для арабов людей особой отваги и доблести – рыцарей, героев, богатырей, никак не пристало носить такому человеку, как он, но что уж тут поделаешь, коли так сложилось, и тут же, сам понижая голос, поинтересовался. – А как прикажете к вам обращаться?

– Для вас я Рахман, а если кому будет уж очень важно знать мое полное имя, то ведь вам и оно, конечно, известно – Рахман аль-Халид Бин Валид, не правда ли?

– О, разумеется, досточтимый Рахман аль-Халид Бин Валид, – Салех повторял имя нараспев, словно давая понять своему собеседнику, что запомнил, как на камне высек. – Я отлично помню ваше имя и ни с каким другим его спутать не могу.

– Ну вот и прекрасно, дорогой Азамат. А теперь скажите мне, местными правилами наша совместная прогулка не возбраняется? Она ни у кого не вызовет нареканий, или того хуже – подозрений?

– Нет, уверяю вас. Те времена, когда здесь следили и подслушивали всех и каждого, давно прошли. Теперь приходится больше опасаться своих, чем местных гяуров. Вы человек новый и обязательно привлечете к себе внимание. Я потому и поспешил подойти к вам первым, чтобы отсечь всех любопытствующих. Вы, я помню, человек, умеющий видеть даже затылком, вам не составит труда заметить, сколько любопытных глаз смотрят на нас, даже все свои занятия разом прекратили. Мне будет нелегко уверять всех, что я едва знаком с вами.

– А этого и не требуется, вы охотно поведаете, что еще отцы наши были знакомы, а я всегда относился к вам с заботой и вниманием, как к младшему брату. Думаю, этих деталей на первое время вполне хватит, чтобы удовлетворить любопытство. А дальше – видно будет. Ну, а чтобы нам легче было сохранять нашу маленькую тайну, я тотчас забуду, что когда-то называл вас Салех, а вы постарайтесь вычеркнуть из памяти мое прежнее имя.

– Вас всегда отличали мудрость и рассудительность, дорогой брат, эти качества не изменяют вам и здесь. Но если позволите, и я предложу сейчас подойти к некоторым людям и представить их вам. Этого требуют наши обычаи, которые и здесь мы пытаемся соблюдать.

И пользуясь молчаливым согласием вновь обретенного друга, Азамат подвел его к группе мужчин, уже давно наблюдавших за их оживленной беседой. Знакомство носило несколько чопорный характер, что, скорее всего, было вызвано настороженностью. Но Рахман не считал нужным форсировать события и после обмена достаточно холодными приветствиями друзья снова отошли в сторонку.

Как выяснилось, Салех-Азамат находился в Гуантанамо уже около двух лет. Считался он здесь, как считал необходимым подчеркнуть, сошкой мелкой и невидной, серьезные боевики, посетовал Азамат, общались с ним нехотя, недоумевая, почему этот тщедушный человечешко пользуется расположением самого шейха Йохийя ибн Халида. Впрочем, Азамат, не щадя своего самолюбия, важности не напускал, а напротив, охотно всем рассказывал, что оказывает уважаемому шейху чисто бытовые услуги, выполняя немудреные поручения. Он же поведал Рахману, что ибн Халид подвергался здесь ужасным пыткам и даже водой его пытали чуть ли не двести раз. О шейхе в Гуантанамо ходили легенды, причем, теперь уже ни от кого не было секретом, что шейх, которого обвиняли в организации самых крупных терактов против американцев, во всем сознался и теперь со дня на день его ожидает суд.

– Зачем же тебе понадобилась эта маска мальчика на побегушках при шейхе? – отбросив всякие церемонии, напрямую спросил его Рахман.

Все оказалось и просто и в то же время достаточно сложно. Когда Азамат очутился в Гуантанамо, здесь уже не оставалось ни одного боевика, который бы знал о былых подвигах и связях Салеха. А вместе с новым именем тому досталась и новая биография – человека, случайно оказавшегося в заточении и с полным основанием рассчитывающего на скорое освобождение. А шейх Йохийя, сознавшийся в собственных преступлениях, о давнем знакомстве с Салехом помалкивал. Так что надежда выбраться и впрямь была вполне реальной. Такой она во всяком случае представлялась Азамату, о чем он тут же и сказал, не вдаваясь, причем, в подробности, что отметил про себя Рахман, понимая, что ему изложили лишь подготовленную для всех легенду.

– И если вы, дорогой брат, поведаете мне свою новую биографию, то мы, возможно, и для вас найдем способ выбраться отсюда в самом скором времени, – предположил Азамат, когда прогулка уже заканчивалась. – Правда, для начала мне бы хотелось услышать вашу историю о том, куда вы так внезапно исчезли тогда из Германии. Вашу подлинную историю, – добавил он, и в глазах его больше не было лукавства, а заискивающую улыбку сменили упрямо сжатые губы человека, твердо решившего получить ответы на все свои вопросы.

Той давней истории минуло уже больше десяти лет, но теперь Рахману необходимо было восстановить в памяти все до мельчайших подробностей.

– Вы слишком нетерпеливы, уважаемый, – бросил он зло. – Сами лжете мне на каждом шагу, полагая, что я могу поверить в ваши сказки, а от меня требуете какой-то правды. У нас еще будет время поговорить, – оборвал он разговор и, не дав собеседнику возможности осмыслить все сказанное, повернулся и зашагал прочь.

X x

x

В конце девяностых террорист Медин Каплун взорвал армянскую христианскую церковь в Стамбуле. Каким-то чудом ему удалось улизнуть из Турции, потом его след якобы мелькнул на Украине, вновь затерялся, чтобы объявиться теперь уже на легальном, что казалось невероятным, положении в Германии. В адрес властей Федеративной Республики посыпались запросы всевозможных антитеррористических центров и организаций, но немецкие официальные лица отвечали достаточно индифферентно: на территории нашей страны данный господин никаких правонарушений не совершал, так что оснований для его ареста не усматривается.

Между тем, освоившись и поняв, что никакая опасность ему более не грозит, террорист развил кипучую деятельность. Первым делом он составил новую карту Германии, на которой поделил всю страну на семь халифатов, в каждом назначил халифа, а себя провозгласил верховным халифом всея Германии. Затем он провел несколько социологических опросов, в которых выяснял, как мусульмане, проживающие в этой стране, отнесутся к всеобщей ее мусульманизации и согласны ли они с тем, что немцев обращению в ислам следует подвергать насильственными методами и способами. Одним словом, новоиспеченный халиф чувствовал себя в самом сердце Европы весьма комфортно. Ему не надо было прятаться и даже скрывать свои мысли, ибо его действиях власти Германии так и не усмотрели ничего противозаконного. На одной из пресс-конференций главный прокурор Германии, упрекая журналистов в узкомыслии, даже воскликнул с достаточно заметным раздражением:

«Демократия не может быть избирательной и у нас нет оснований наказывать отдельно взятого человека только за то, что он мыслит иначе, чем мы. Вот если он совершит на территории нашей страны какое-либо преступление, тогда дело иное...»

Операция готовилась долго и тщательно, были проработаны множественные варианты и в итоге остановились на единственном – использовать чрезмерно властолюбивые амбиции Медина Каплуна, ситуацию внутреннего конфликта создать искусственно, а проще говоря – спровоцировать. Тем более, что предпосылки к этому если еще явственно не просматривались, то уже намечались.

Встреча куратора с Китайцем состоялась в Австрии. Куратору не нравился новый оперативный псевдоним агента, он считал его излишне претенциозным, но, полагая этот выбор своего подопечного чуть ли ни единственным недостатком агента, мирился с ним. Он ценил в этом человеке его непоказную храбрость, умение приспособиться к любой ситуации, незаурядные аналитические качества, а главное – непоколебимую веру в правильности и необходимости избранного пути.

...Они выбрали угловой столик на двоих в знаменитой венской кондитерской «Аида». Рядом красовалась вывеска модного магазина, до сих пор носившего имя Евы Браун и это навеяло куратору мрачные мысли.

– Двадцать первый век начинается, а имя жены Гитлера до сих пор красуется на магазине, – ворчливо заметил куратор и поинтересовался у Китайца, кивнув в сторону мрачно серого здания напротив. – Ты знаешь, что находилось в этом доме в годы Второй мировой войны? Гестапо! Все эти люди, которые сейчас вокруг нас с таким наслаждением едят венские пирожные и пьют этот изумительный кофе, и думать не хотят о том, что третья мировая война уже, по сути, началась. И если мы будем оставлять на свободе таких террористов, как Медин Каплун, скоро исламские боевики и впрямь войдут в это же здание как хозяева и поднимут над ним, как когда-то Гитлер флаг со свастикой, свое зеленое знамя ислама. Ладно, к делу. Тебе надо попасть в окружении этого Каплуна. Даже не обязательно вступать с ним в непосредственный контакт. Достаточно, если ты будешь рядом. Тем более операция носит разовый характер. Но инициатива поездки в Германию ни в коем случае не должна исходить от тебя. Такая самостоятельность может вызвать подозрение, тем более привыкли, что ты предпочитаешь больше слушать других, чем высказываться сам. Так что на этом этапе вылезать с собственной инициативой было бы грубой ошибкой. А на ошибки мы с тобой, как известно, права не имеем.

Значит, тебя должны к нему направить. Ты же у них славишься, как идеолог и аналитик, вот и придумай повод, чтобы оказаться в Германии, скажем, для оказания какой-то помощи...

Придумывать особую причину в общем-то и не понадобилось. Лидеры исламских террористических организаций действиями Медина Каплуна к тому времени были недовольны. Он вызывал их раздражение своей излишней независимостью и неуместным, как они считали, популизмом. Главари боевиков полагали, что один удачно проведенный теракт куда важнее сотни даже самых зажигательных слов.

Китаец высказал осторожное соображение, что работа Медина Каплуна тоже чрезвычайно важна, но надо на месте посмотреть, как и чем дышит новый лидер, самочинно провозгласивший себя верховным халифом и не испросивший на то благословения. Вполне возможно, что начинающий халиф нуждается в помощи, мудром совете, да и элементарной корректировке своих действий, ибо поле политической борьбы таит для начинающего лидера слишком много неприятных сюрпризов и опасностей. И тут в дело неожиданно вмешался Салех. Он заявил, что поездка в Германию, причем срочная, по его мнению, необходима, но она, вполне вероятно, окажется не такой простой, как видится издали, и опасность может исходить, как от местных спецслужб, так и от самочинного халифа. Он достаточно категорично высказался по поводу того, что ехать надо только вдвоем. С его мнением большинство из тех, кого беспокоила деятельность Медина в Германии, согласились безоговорочно и Китаец понял, что ситуация была обсуждена заранее. Избавиться от назойливого сопровождающего, не вызвав при этом подозрения, не было ни малейшей возможности и они отправились вместе.

Берлин принял двух «бизнесменов из Марокко» достаточно приветливо, чего нельзя было сказать о том господине, ради кого они приехали. Дни шли за днями, а Медин Каплун от встречи с эмиссарами под различными предлогами уклонялся. И тогда Китаец предпринял отчаянную и довольно рискованную попытку. Он встретился с так называемым халифом одной из немецких земель. Им оказался уже вполне почтенный старец, приходивший в бешеное исступление от одного только упоминания имени Медина Каплуна. Собственно, именно на этом, собрав необходимую информацию, и строил свой план Китаец. Долго обрабатывать старца не пришлось. Уже через неделю он объявил своего более молодого соперника самозванцем, а себя, ссылаясь на какой-то неведомый никому мусульманский центр в Саудовской Аравии, провозгласил верховным халифом.

Дальнейшие события развивались как в хорошо отрежиссированном фильме. По мусульманским законам Медин Каплун не только не смел прощать самозванца, но и обязан был устранить его собственноручно, не имея права никому перепоручать акцию возмездия. Поступи он иначе, то тем самым расписался бы в безоговорочном собственном поражении и признании прав нового халифа. Между «халифами»-самозванцами была назначена встреча, в исходе которой Китаец не сомневался. Медин Каплун не просто был моложе, за его спиной опыт множества осуществленных им лично терактов и не нужно быть провидцем, чтобы понять – он не станет увещевать старца отречься от своих неоправданных амбиций, а просто найдет достаточно надежный способ избавиться от конкурента.

Казалось, Китаец продумал все детали. Но в день назначенной встречи он обнаружил за собой слежку. Некогда было выяснять, следили ли за ним люди Каплуна, или его «вел» кто-то из окружения старца. Не исключалось, впрочем, что на «хвост» слишком прыткому «бизнесмену из Марокко» на всякий случай, так сказать, превентивно, пристроились местные спецслужбы. Не исключал он и вероятности того, что слежку организовал подозрительный Салех, проявлявший явное недовольство, что Китаец не считал нужным согласовывать с ним свои действия. Анализировать ситуацию времени не оставалось. Нужно было действовать – решительно, даже на грани фола, но действовать. Уйти от слежки оказалось вовсе не сложным делом. Работали все же люди с низкой профессиональной квалификацией. И хотя он прекрасно понимал, что вызывает тем самым подозрение своих соглядатаев, кем бы они не были, приня-

тое решение казалось хотя и чрезвычайно рискованным, но единственно возможным. Китаец позвонил в полицейский участок лишь после того, как пересек границу Германии. Прибор для изменения голоса он бросил в гостинице, поэтому воспользовался старым, но одновременно простым и исключительно надежным способом, который во все времена с успехом использовали шантажисты всех времен и народов – прикрыл телефонную трубку листком шуршащей бумаги.

Позже стало известно, в том числе и из многочисленных газетных публикаций, что Медин Каплун мудрствовать не стал, а по-простому, как барана, прирезал старика, едва тот переступил порог дома, где они встречались. Полиция своего шанса не упустила, террорист был арестован.

В те дни он почти не думал о прилипчивом попутчике и соглядатае Салехе. Забот и без него хватало. Нужно было объяснить причины своего внезапного отъезда и он сослался на слежку со стороны немецких спецслужб. Благо арест Каплуна никого особо не огорчил, да и время выдалось горячее – возникла необходимость срочно отправляться в Афганистан, основные события развивались там. Салеха он, собственно, с тех пор ни разу не встречал. Он даже не дал себе труда, за что теперь корил себя, узнать, как сложилась дальнейшая судьба попутчика. Одним словом, поступил крайне неосмотрительно и легкомысленно, а такие ошибки, как правило, впоследствии непременно дают о себе знать и возвращаются бумерангом. И вот теперь тот уже не просит, а требует разъяснений. Как же он мог так непростительно выпустить его из виду, за все прошедшие годы ни разу не поинтересоваться, куда тот исчез. Ведь даже в те годы было ясно, что Салех не простой боевик, а человек, обличенный доверием и занимающий в структуре террористических организаций определенное место.

Да и сейчас, разве открылся он ему полностью? Все это показушное почтение, напускное самоуничижение – не более, чем маска. Вон как он подошел к тем людям, с которыми знакомил Рахмана. Даже походка изменилась, стала твердой и решительной. И во взгляде никакого подобострастия. Да он просто разыгрывал перед Рахманом спектакль. И завершился первый акт игры тем, что Салех-Азамат потребовал отчета от «уважаемого брата» Рахмана. Да и как можно поверить в небывицу, что сидящие в Гуантанамо боевики лишь мирятся с его присутствием из уважения к шейху Йохийя у. Да сам шейх ибн Халид и на пушечный выстрел не подпустил бы к себе абы кого. И присутствие Салеха-Азамата в тюрьме продлится ровно столько, сколько это понадобится лидерам Аль-Кайды, стало быть, по крайней мере, до суда над шейхом.

Надо все продумать самым тщательным образом, Любое неверное слово, даже жест могут стать непоправимым. А сколько у него времени? Может быть, Азамат уже на вечерней прогулке вернется к давешнему разговору. А можно ли вообще не ходить на прогулку? Нет, это, пожалуй, не вариант, и сразу вызовет подозрение. Значит, времени на долгие размышления нет. Он даже исчезнуть отсюда не может. Связной появится только через неделю. Да если бы и смог, то тем самым сорвал задание и расшифровал бы себя уже полностью. Нет, надо срочно создать убедительную легенду, и она должна быть настолько правдоподобной и вместе с тем неожиданной, чтобы Азамат поверил в нее сразу.

И все же... Что нынешнему Рахану известно о нынешнем же Азамате? Если вдуматься, не так уж мало. Для администрации тюрьмы – он заблудшая овечка, попавшая в Гуантанамо, скорее всего, либо по ошибке, либо, в крайнем случае, за какую-то мелкую провинность, типа распространения листовок или проповедь в мечети. Для обитателей же лагеря он фигура куда более значимая и его контакты с шейхом Йохийя ибн Халидом говорят сами за себя. И этой своей особой ролью он не упиваться не может. Чувство собственной значимости возвышает его в собственных же глазах. Не зря он столь жестко потребовал от Рахмана объяснений. Но оправдываться перед таким человеком – значит заранее потерпеть поражение. Если даже он поверит в придуманную историю, то все равно сделает вид, что Рахман остается у него под

подозрением и тогда предпримет попытки для шантажа, постарается сделать так, чтобы новичок попал в полную от него зависимость. Нет, этот вариант никуда не годится. Нужно придумать что-то принципиально иное. Следует припомнить, каким Салех показался ему тогда, во время давней поездки в Германию. Что главное в его характере. Пожалуй, коварство. Но коварные люди, как известно, по большей части трусливы, ибо взаимного коварства ждут всегда – сие суть их мировоззрения, превратившегося в характер. Стало быть, нужно сыграть на этой струнке. Как любили говаривать на родине его детства: боится, значит уважает. Запугать? Но чем? Взаимным подозрением! Кому Азамат поверит здесь, в Гуантанамо, сразу и безоговорочно? Конечно же, шейху Йохийя. Ввести его в игру, ввести так, чтобы шейх и сам толком не понял, чего от него хотят. Особенно теперь, когда ему некогда разбираться в чужих подозрениях – у самого, что называется, земля под ногами горит.

О той истории с Медином Каплуном Шейх не знать не может, но если и помнит о ней, то что-то туманное, поскольку в те времена был слишком далек от того, что происходило в Германии. Пожалуй, это вариант. Теперь стоило продумать линию поведения, вернее даже – и стратегию, и тактику общения с Азаматом.

Вечером старинные «друзья» встретились вновь. Азамат катал меж ног все тот же неизменный мяч и Рахман мысленно оценил эту нехитрую уловку беспечности. Срабатывает внешне безупречно: никакими тяжкими мыслями человек не отягощен, знай себе, мячик катает. Однако первая же произнесенная им фраза никак не соответствовала внешней беспечности. Куда девался утренний почтительный, согнувшийся в поклоне Салех. Ни тебе «уважаемый господин», ни «дорогой брат».

– Я жду объяснений. Немедленно, – произнес Азамат ледяным тоном, едва они поравнялись.

Лениво пожевывая заранее припасенную соломинку тростника, Рахман поднял на собеседника глаза и равнодушно переспросил: «А, вы все о том же? – и, добавив в голос металла, осведомился, – а с чего вы, собственно, взяли, что именно я должен давать вам какие-то объяснения? Я – вам, а не вы – мне. Один русский полководец как-то сказал, что лучший способ обороны – это нападение. Вы, сдастся мне, неплохо знаете это высказывание.

– О чем вы? – Похоже, сбитый с толку, пробормотал Азамат.

– Ах, о чем? – иронично осведомился Рахман. – Ну что ж, отвечу. У нас с вами нет времени на долгие объяснения. События здесь могут измениться в любой момент. Так что я перейду сразу к делу. Направляя меня сюда, один чрезвычайно влиятельный в наших кругах Хаким (с арабского буквально – мудрец – авт.), имени которого вам знать не полагается, предупредил, что здесь я встречу предателя, который обманом вошел в доверие к шейху Йохийя. Он даже обрисовал мне человека, внешне напоминающего вас. Может быть, не совсем точно, но очень похожего. Я получил совершенно определенное задание устранить этого человека. Устранить даже в том случае, если у меня в отношении к нему появятся просто сомнения. Не уверенность в предательстве, а достаточно даже сомнения, – повторил он и, не сводя сверлящего взгляда, спросил. – Вы понимаете, что я вам сейчас сказал. – Достаточно простого сомнения! И вы еще толкуете о каких-то объяснениях с моей стороны. Ловко, ловко, ничего не скажешь. Признаться, я бы принял вашу выходку за смелое отчаяние, но уж больно вы неискренни в своих требованиях.

– В чем, в чем увидели вы мою неискренность, уважаемый э... Рахман? – засбоил Азамат, от волнения и явного страха с трудом вспоминая новое имя своего старинного знакомца.

– Вы слишком явно и назойливо желали скорейшей встречи со мной, нарушив тем самым мои, и не только мои, а весьма уважаемых людей очень важные планы. Но такой вариант мы тоже предусмотрели заранее. Мне теперь понадобится немало усилий, чтобы выправить ситуацию, но это уж не ваша забота. Итак, я жду от вас ответа, Кто, когда и как дал вам связь с уважаемым шейхом Йохийя? Какие поручения вы выполняете и какие сведения передаете шейху?

Рахман намеренно говорил отрывистыми фразами, в которых за напущенным туманом не было никакой конкретики. Но перепуганному не на шутку Азамату было не до психологического анализа. Главное, что он пытался сейчас понять, так это то, насколько реальная угроза для него лично исходит от неожиданного пришельца, какими он обладает полномочиями и действительно ли готов не останавливаться даже перед самыми решительными мерами.

– А теперь слушай меня особенно внимательно и запоминай каждое слово. В ближайшее время я должен был увидеться с досточтимым шейхом Йохийя. Твое появление спутало мои планы. Отчего и почему – тебе знать не следует. Могу сказать одно – я сумею выяснить, кто ты таков на самом деле и каково твое истинное лицо. – Не перебивай меня, – умышленно переходя на «ты», грубо одернул он Азамата, заметив, что тот пытается возразить. – Я все-таки давно тебя знаю и надеюсь, что предатель, которого мне обрисовали, все же не ты. Но надеяться вовсе не значит быть уверенным. И если ты хочешь остаться невредимым, то должен мне назвать, а главное охарактеризовать каждого, кто кроме тебя имеет доступ к общению с шейхом.

– Теперь второе, – продолжил Рахман. – Сегодня утром ты посмел обратиться ко мне с дурацким требованием объяснить тебе, что произошло много лет назад в Германии. В отличии от тебя, я не стану сейчас уточнять, а какова тогда была твоя роль во всем происходящем, мне не до этого. Но вот

что ты должен сделать теперь. Спроси, и как можно быстрее, что известно шейху об аресте Медина Каплуна в Германии. Уверен, что это развеет твои собственные сомнения, а заодно поможет и мне в осуществлении моего нового плана. Иди, и не вздумай задавать новых вопросов. – Рахман подкатил к себе мяч, сильно ударил по нему и неспешным шагом удалился.

X X
X

Сон по-прежнему одолевал его, но теперь он уже не мог позволить себе такой роскоши. Сначала нужно было тщательно проанализировать всю минувшую встречу, не упуская не только ни единого слова, но и мимики, жеста. Главную задачу он, судя по реакциям Азамата, выполнил – сумел его не только запугать, но и запутать. Надо полагать, в его мозгах сейчас такой сумбур и разброд, что вряд ли в ближайшее время он сумеет найти хоть какое-то толковое объяснение происходящему. К тому же страх за собственную шкуру сквозил так отчаянно и очевидно, что в рассуждениях окажет лишь плохую службу, не позволяя взять верх холодному рассудку.

А вот экспромт с предложенным разговором Азамата с Шейхом может повернуться по-разному, тут прогнозировать что-либо с высокой степенью достоверности не просто трудно, а практически невозможно.

На утренней прогулке Азамата не было, не появился он и на следующий день. Оставалось только гадать, куда он мог запропасться. Задавать же вопросы было бы верхом неосмотрительности и легкомыслия. Новые знакомые относились к Рахману если и не с подозрительностью, то уж во всяком случае с явной настороженностью и ограничивались при разговорах лишь самыми общими фразами.

Долгожданный приятель появился лишь на третий день. Кисть его левой руки была забинтована уже несвежей повязкой. Он пояснил хмуро, что во время дежурства по кухне неловко перевернул кумган и обварил себе руку крутым кипятком. Видно рука у Азамата и впрямь болела – он то и дело непроизвольно морщился от боли. Но вот случайная это травма, или придуманная для отсрочки времени, приходилось только гадать. Впрочем, такая отсрочка была теперь на руку и самому Рахману – его стали вызывать на допросы.

В комнате, куда его ввели, приятно охлаждал воздух кондиционер.

– Сержант Сойер, – буркнул подтянутый, молодцеватого вида военный и извлек из кармана ручку.

– Простите, сэр. Том Сойер? – позволил себе шутку Рахман.

Но сержант шутки то ли не понял, то ли не принял: «Нет, меня зовут иначе». Уточнять, однако, своего имени нужным не счел, видимо решив, что хватит с этого пленного и фамилии.

Сержант Сойер, допрашивающий Рахмана, всем своим видом давал понять, что все ему давно уже осточертело – и эта служба вдали от родного дома в Пенсильвании, и изнуряющая кубинская жара, и сами террористы, с которыми неизвестно что теперь и делать. Впрочем, такое внешнее равнодушие, граничащее с раздражением, могло быть не более чем маской, так что расслабляться не следовало. Рахман уныло бубнил заученную легенду, изображая раскаяние и в то же время позволял себе эмоциональные вспышки, восклицая, что попросту не успел совершить еще ничего такого, за что его следовало заточить в такое страшное место, как Гуантанамо. Да, действительно приехал в Пакистан в поисках заработка. Встретился с людьми, которых ему порекомендовали на родине. Но откуда же ему было знать, что эти люди террористы. Он с ними говорил только о возможности устроиться на работу, чтобы обеспечить себе хоть мало-мальски пристойное существование. Сержант ничем не проявлял своего отношения к услышанному, лишь время от времени что-то записывал в большой прямоугольный блокнот, лежащий перед ним на шатком столе.

Обычно конвоир, сопровождавший Рахмана на допросы, вместе с ним входил в комнату, рапортовал сержанту о том, что заключенный доставлен и лишь после этого удалялся. Но на восьмой день пребывания Рахмана в Гуантанамо конвоир остановился перед дверью, коротко постучал и подтолкнул заключено в спину. В кабинете за привычным уже столом сидел платиново-седой мужчина в военной форме без знаков различия. В углу помещения Рахман заметил небольшой столик с кофейником, чашками, сахарницей и вазочкой печенья. Военный не счел нужным представляться, да и имя пленника его, похоже, тоже интересовало меньше всего, настолько он был увлечен какими-то манипуляциями с собственными часами, браслет которых охватывал его правое запястье. Часы были точно такими же, какие изъяли у Рахмана при аресте. Наконец Седой (так он мысленно назвал его для себя) отвлекся от своего занятия и после долгого изучающего взгляда произнес:

– Судя по вашей биографии, вы когда-то работали телевизионным мастером. Может, вы и в часах что-то смыслите. Вот приобрел хороший хронометр, а толком разобраться никак не могу, даже число на календаре выставить не удастся. – и, словно не сомневаясь в ответе, снял часы с руки, протягивая их Рахману.

– Давайте попробую, – пожал тот плечами. – Глядишь что-то и получится.

Он взял часы, точными движениями, не задумываясь, выставил на календаре цифру «31» и вернул их владельцу. Седой внимательно глянул на циферблат, широко улыбнулся и, словно ему это доставляло несказанную радость, заметил: «А число-то вы выставили неверное, дружище».

– Да я просто не знаю ни сегодняшнего числа, ни какой теперь день недели, – ответил Рахман, тоже широко улыбаясь в ответ. Он и впрямь был рад появлению этого человека.

– Ну вот и отлично, вот и прекрасно, – Седой поднялся из-за стола, протянул Рахману руку и тут же жестом пригласил его к кофейному столику.

– Будем считать, что с формальностями покончено и теперь можно поговорить, – заметил он, наполняя кофейные чашки ароматным напитком.

Да, с формальностями действительно было покончено. Они обменялись сложным паролем: сама марка часов, надетых к тому же на правую руку, неправильно выставленное число «31» – если бы встреча состоялась 31 числа, его бы следовало заменить на 15-е. Да к тому же Седой весьма ловко упомянул о профессии телевизионного мастера, назвав такую деталь биографии Рахмана, о которой знали лишь считанные лица. И это, в свою очередь, свидетель-

ствовало как ничто иное о высокой степени доверия к этому человеку в той структуре, которую он представлял.

– Времени у нас уже почти не осталось, – озабоченно заметил связной. – Ваше пребывание здесь не должно выходить за рамки обычного допроса. Тем более мы постарались сделать так, чтобы всем любопытным уже стало известно: для местной администрации вы не представляете ни малейшего интереса. Это, в свое время, максимально облегчит вам задачу исчезновения из этого «райского уголка» таким образом, чтобы ни у кого не вызвать подозрений.

– Что удалось сделать вам?

Рахман предельно сжато поведал о своей встрече с Салехом-Азаматом, о назревшем с ним конфликте и попросил как можно подробнее разузнать все возможное об этом человеке. Особенно за последние годы.

– В принципе мы и так знаем о нем достаточно, пришлось поинтересоваться, как только стали очевидны его контакты с шейхом Йохийя, – заметил Седой. – Контакты эти представляются нам непростыми, тем более, что они не очень умело маскируются. Видно, не считают нужным. Местная администрация делает все возможное, чтобы ослабить внимание и подозрительность, особенно тех, кто на самом деле представляет для нас интерес. При следующей встрече я расскажу вам про Азамата подробнее, а сейчас главное – последние годы он, как исполнитель, непосредственного участия в акциях не принимал, но есть все основания полагать, что является организатором довольно громких терактов. Особой выдумкой этот господин не отличается, а вот коварства и жестокости ему не занимать. Так что будьте с ним предельно осторожны. – Седой глянул на часы, неизвестно чему усмехнулся, но произнес весьма серьезно и даже озабоченно:

– Я не смогу появиться здесь в ближайшее время, думаю, недельки через две, не раньше. Но для непредвиденного случая оставлю вам одну здешнюю связь. Понятно, что обращаться к этому человеку следует только в крайнем случае, но именно на такой случай мы и подготовили для вас страховку.

– Этот человек из администрации, или из заключенных? – уточнил Рахман. – И еще, он уже что-то знает обо мне?

– Не надо думать о нас так плохо, – пожурил связной. – Этот человек из администрации. О вас он не знает ровным счетом ничего. Вам нетрудно будет его узнать по таким же часам, как у меня. На часовом календаре постоянно будет выставлено неправильное число. Вам останется лишь обратиться к нему с предложением исправить число на календаре. При этом число будете выставлять не фактическое, а уже обусловленное с вами ранее – 31-е, либо 15-е. Еще раз напоминаю: взяв часы в руки, не забудьте убедиться, что число должно быть выставлено неправильно, это существенная деталь пароля. А теперь вам пора. Конвойный должен быть уже здесь...

Х Х

Х

На следующий день к ногам Рахмана снова подкатился мяч и по приближающимся шагам, не поднимая головы, он понял – Азамат. Повязки на руке у него уже не было, но пятно от ожога оставалось заметным и кое-где даже пузырилось.

– Болит? – с деланным участием спросил Рахман.

– Почти не болит, брат, – заулыбался тот, видимо, польщенный вниманием. – Отойдем в сторону, мне нужно сказать вам кое-что очень важное.

И хотя они отошли на расстояние, где их никто не мог услышать, Азамат, все же понижая голос, заговорил поспешно:

– шейх Йохийя помнит ту историю с Медином Каплуном. Он считает, что в Германии вы действовали так, как требовали обстоятельства. Я прошу у вас прощения за свои подозрения. Только теперь я понял, какими нелепыми они были. Но не это главное. шейха не на шутку встревожила ваша информация о том, что рядом с ним может находиться предатель. Он просит вас пожаловать к нему как можно быстрее. И хотя он ограничен в общении, мы уже придумали, как сделать, чтобы ваша встреча с ним прошла незаметно. Ему уже объявили, что суд над ним состоится в мае. Но его адвокаты считают, что этот судебный процесс может продлиться даже не один год. Поэтому очень важно, чтобы рядом с шейхом находились только надежные люди.

– Себя, значит, ты из числа предателей исключаяешь сам, – усмехнулся Рахман. – Только не говори мне, что я давно тебя знаю и могу быть в тебе уверен. Меняются времена, меняются и люди. Но об этом после. Расскажи, как мне встретиться с шейхом, чтобы на самом деле не привлекать к этому излишнего внимания.

– Через два дня я опять должен дежурить по кухне. В этот день я расковыряю рану на руке и меня не подпустят к раздаче еды, обязательно отправят к врачу. Старший по кухне вызовет на дежурство вас – я уже с ним договорился, он сделает все, что угодно шейху. Завтрак досточтимому вы понесете вместе со старшим по кухне, а вот обед отнесете ему сами. Если вы задержитесь на пятнадцать-двадцать минут, то скажете потом охранникам, что ждали, пока шейх вернет вам пустую посуду. Это не вызовет подозрений, многие так делают, чтобы не ходить по этой жаре дважды. Шейх очень надеется, что узнает вас. Если же нет, то никакого разговора не состоится, – и в глазах Азамата снова блеснул недобрый огонек. Видно, надежда уличить в чем-то Рахмана его все же не покидала.

Через два дня, сразу после подъема, Рахмана вызвали на кухню. Старший дежурный был хмур и неразговорчив, видно, не знал, может ли он отдавать Рахману какие-либо указания, а потому старался сам выполнить всю работу. Собственно, завтрак уже был готов и его оставалось лишь разнести в общую столовую, да тем нескольким заключенным, которые содержались и питались отдельно. Упаковав судки с едой, – Рахман обратил внимание, что рацион у шейха Йохийя особый, не такой, как у других арестантов – они отправились в неблизкий путь. Нужно было пересечь прогулочный двор, пройти через дополнительный КПП, где солдаты их тщательно обыскали и не менее внимательно проверили каждую посудину, затем миновать затянутый металлической сеткой длинный коридор, вдоль которого также прохаживались солдаты охраны. Покои шейха, хотя и не назвать было роскошными, но все же разительно отличались от стандартных камер обычных обитателей Гуантанамо. Здесь, в первой из двух комнат, было даже какое-то подобие ковра и более-менее сносные подушки, облокотившись на которые и восседал шейх. Он жестом указал, куда поставить еду, а потом, не спеша, стал открывать каждый судок и даже приподнял для чего-то крышку кофейника.

«Тянет время, понял Рахман. Хочет рассмотреть меня получше». Наконец, шейх откинулся на подушки и произнес небрежно, обращаясь только к старшему дежурному:

– Ступайте, уважаемый. Посуду заберете потом, когда обед принесете. Я пока не голоден и завтракать буду позже. – Старший склонился в поклоне и спиной, как и подобает, стал пятиться к двери.

Шейха Йохийя ибн Халида Рахману до того приходилось видеть трижды. Однажды, это было в Афганистане, он даже был удостоен непродолжительной беседы с ним. Если верить молве, то уникальная память была одной из отличительных черт шейха, сподвижника и наиболее верного соратника Бин Ладена. Говорили, что он никогда и ничего не забывает, помнит любого, с кем виделся хоть мимолетно. Но так ли это, или людская молва по своему обыкновению приукрашивает действительность?

Время до обеда тянулось томительно долго. Дежурный помощи Рахмана не требовал, а он и не стремился проявлять активность – ему было о чем подумать. Ведь следовало взвесить все возможные варианты. Наконец, его окликнули и вручили довольно объемистые пакеты с

едой, добавив, что теперь он пойдет на другую территорию один. Дорога была уже знакома, и хотя солдаты охраны еще не сменились, проверяли пакеты и обыскивали его самого не менее тщательно, чем утром.

– Присядьте, уважаемый, – предложил ему Шейх, мерно перебирая четки, – едва только Рахман переступил порог. – Хвала Всевышнему, я узнал вас, узнал сразу и даже помню, как умело вы справились с нелегким заданием нашего незабвенного брата, да успокоит Аллах душу его.

Гостю было известно, что он сам по возрасту значительно старше шейха и что тому не исполнилось еще и сорока восьми лет, и он поразился, насколько значительнонее своего истинного возраста тот выглядит.

– Этот человек, что так любезно навещает меня (видно, Шейх до поры до времени не хотел говорить об истинной роли Азамата), сказал, что вам известно о тех людях, которые, ну..., скажем так, относятся ко мне не совсем дружелюбно. Откуда вам это стало известно?

– Уважаемый ибн Халид, – заговорил размеренно Рахман. – Даже вашему доверенному лицу я не счел возможным открыться полностью. Поэтому сообщил ему лишь то, что счел нужным. Согласитесь, осторожность никогда лишней быть не может, когда-то вы сами нас этому учили. Особенно в таком месте, где мы сейчас находимся. У нас нет четких сведений о том, что в вашем окружении находится предатель и что вам угрожает реальная опасность. Но и исключать такую вероятность мы тоже не имеем права. Это было бы верхом легкомыслия. Мне сообщили, что суд над вами начнется уже через несколько месяцев. А что если кому-то выгодно, чтобы вы замолчали раньше и на суде не сказали бы того, что прольет свет на события, которые должны остаться в тени. Ведь неверным выгодно сейчас свалить на вас ответственность за все. Даже за то, к чему вы не имеете отношения.

– Я готов пострадать за наше правое дело, – произнес шейх напыщенно. – Но в ваших словах есть свой резон, я не могу с этим не согласиться. Вы рассуждаете вполне разумно. Но что вы намерены предпринять, дабы выявить негодяя.

– У меня еще нет четкого плана, – признался Рахман. – Ведь я здесь всего чуть больше десяти дней. Я просто не вправе спрашивать вас о том, какие люди вас здесь окружают. К тому же, зная вашу проницательность, я не сомневаюсь, что лживого человека вы раскусите сразу. И все же, взгляд со стороны может тоже оказаться не лишним.

– Разумно, разумно, – повторил шейх. – Я обдумаю ваши слова и через несколько дней сообщу вам о своем решении. А сейчас приглашаю вас разделить со мной эту скромную трапезу.

Рахман понимал, что приглашение к дастархану – признак высочайшего доверия, но восточный этикет требовал скромности и он, поблагодарив шейха, стал отказываться.

– О, не стесняйтесь, – проявил настойчивость «хозяин». – Мне приятно пообедать в обществе человека, которого я не видел много лет и который, несмотря на все невзгоды и преследования, сохраняет верность нашему общему делу.

Через полчаса, забрав посуду, Рахман двинулся в обратный путь. К его удивлению, ни в этот день, ни на следующий никто не задал ему вопроса, почему он так долго отсутствовал.

А вот Азамат аж лучился сиянием своих глаз.

– шейх Йохийя ибн Халид очень высокого мнения о вас. Он сказал, что думающий человек – это всегда подарок судьбы, который следует ценить, – заявил Азамат, едва они встретились. – Он также велел мне выполнять все ваши поручения и в свою очередь позаботиться о вашей безопасности.

– О моей? – Рахман постарался придать своему голосу искреннее удивление.

– Именно о вашей, – подтвердил Азамат. – Спина друга должна быть надежно защищена.

И Рахман понял, что Азамат вновь становится его тенью, избавиться от которой будет непросто.

Ночью в своей убогой душевной камере он думал о том, что ему теперь надо «найти и выявить» хотя бы одного неведомого врага шейха ибн Халида. Намечая будущую жертву, он ничуть не заботился о том, что пострадает безвинный человек. Невинных здесь не было. Были лишь те, кто смог умело сочинить легенду о своей непричастности к террористическим группам. К тому же долгие годы занятий весьма специфического свойства приучили его не поддаваться сентиментальности. По крайней мере, он сам себе не позволял проявления этого чувства, не только лишнего, но и вредного для людей его профессии. Во всяком случае, так ему хотелось думать.

Но уже следующая неделя настолько резко изменила ход событий, что на долгие размышления просто не оставалось времени. Нужно было действовать. Действовать решительно, безоглядно, но в то же время безошибочно.

Х Х

Х

...Утром его внезапно вновь вызвали на кухню. Без лишних слов ему вручили завтрак для шейха и он вновь отправился уже знакомой дорогой. Шейх был явно чем-то озабочен, энергичными шагами он прохаживался по ковру и пальцы его перебирали камни четок быстрыми резкими движениями. Разувшись, и Рахман ступил на ковер. Шейх, пренебрегая восточным этикетом, сразу приступил к делу, произнося фразы четко и отрывисто:

– О моей безопасности, если того потребуют обстоятельства, позаботятся другие люди. У вас будет куда как более сложное поручение. Вам надо немедленно, вы слышите – немедленно выбираться отсюда. Любыми путями, чем скорее, тем лучше. Вы должны будете найти и встретиться с иорданцем из города Эз-Зарка, и, видя недоумение на лице Рахмана, шейх Йохийя скрипуче рассмеялся и назвал настоящее имя того, кого после мнимой или действительной гибели Бин Ладена провозгласили лидером Аль-Кайды, превознося его заслуги по установлению мирового халифата до небес. Я не могу сейчас назвать точное место его нахождения, он вынужден менять его постоянно. Это необходимо, ибо уже год, как его называют врагом Америки номер один, а американцы сулят за его голову десятки миллионов долларов, как, в свое время за голову моего незабвенного брата Усамы Бин Ладена. Но я снабжу вас таким личным паролем, который поможет добраться до него в кратчайшее время и обеспечит полное доверие к вашим словам. А теперь слушайте меня с предельным вниманием и запоминайте вплоть до единого слова.

С каждой фразой, произнесенной шейхом, Рахман все отчетливее понимал, какой угрозе подвергаются страны, где намечено проведение новых терактов, как должна сплотиться Аль-Кайда, дабы отомстить за своих лидеров, кто, поименно, в скором времени возглавит отделения организации в конкретно названных шейхом странах. Это был поистине дьявольский план и в этот план теперь посвящали его. На прощанье Йохийя ибн Халид извлек из внутреннего кармана халата четки и протянул их Рахману.

– Четки лишь часть пароля, они всего лишь вещь, узнаваемая, но вещь. Их можно украсть, и, в конце концов, забрать у человека, которому на земле уже больше ничего не принадлежит. Поэтому, показав четки кому следует, вы произнесете следующие слова... Да поможет вам Аллах, – шейх, как и положено на Востоке, обнял Рахмана и дважды прикоснулся своим лицом к обеим его щекам.

Оставив нетронутые судки с едой, Рахман тотчас отправился на поиски младшего офицера охраны, который уже несколько дней носил на правой руке знакомые часы. К счастью, он увидел его почти сразу и обратился с заранее заготовленной фразой:

– Простите, сэр, но мне кажется, что на календаре ваших часов неверно выставлено число. Позвольте я поправлю.

«Да, я, признаться, никак не разберусь с этим чертовым хронометром», пробурчал офицер, снял часы с руки, протянул их Рахману, а когда проверил новую цифру на календаре, снова буркнул едва различимо: «Утром вас вызовут на допрос».

Утром, едва переступив порог комнаты, где его обычно допрашивали, Рахман потребовал самым категоричным тоном немедленной встречи с Седым. Офицер в ответ лишь покачал головой и заявил, что это невозможно. В лучшем случае встреча может состояться через неделю, а то и дней через десять.

– По большому счету у меня нет даже и десяти часов, не то что десяти дней, – упрямо стоял на своем Рахман. – Даже вам я не могу сообщить то, что обязан срочно рассказать Седому.

– А мне ничего передавать и не следует, я попросту не имею права принимать от вас какую-либо информацию. Ладно, попробую что-то предпринять.

Седой появился через три дня. Все это время Салех-Азамат ходил за Рахманом тенью, повторяя полюбившуюся ему фразу, что оберегает спину друга. В комнате допросов, где как и в прошлый раз красовался в углу кофейный столик, Рахман изложил Седому суть беседы с шейхом. В тех, разумеется, пределах, которые были допустимы при общении со связным. Но Седой был опытным разведчиком и всю важность происшедшего понял без лишних слов.

– Проблема только в одном, – сказал он задумчиво, отхлебывая остывающий кофе. – Я могу хоть сейчас увезти вас отсюда, но это вызовет подозрения у многих и прежде всего у самого шейха. Если же все обставлять как уже сложившуюся процедуру освобождения, то займет в лучшем случае месяц.

– А побег? – предположил Рахман.

– Сегодня убежать из лагеря не такая уж и проблема. А вот исчезнуть из самого Гуантанамо и впоследствии с острова – дело не простое. Слишком многих людей нужно будет задействовать, а это возможная и даже вероятная утечка информации. Наши военные слишком много пьют, чтобы хранить секреты.

– Тогда остается только одно, – твердо заявил Рахман. – Мой куратор должен немедленно прибыть сюда. Пока меня будут оформлять к освобождению, он сумеет распорядиться информацией и дать ей ход.

– Тоже не вариант, – спокойно возразил Седой. – Во-первых, вы не имеете права называть мне его имя. А во-вторых, я не имею права это имя знать. Хотите, чтобы мы совершили двойное нарушение инструкции и оба вылетели вон со службы, – уныло пошутил он и тут же, прихлопнув обеими ладонями по столу, воскликнул, – Азамат! Вы мне рассказывали, что при вашей первой еще встрече он заявил, что знает, как отсюда исчезнуть. Вот если он обеспечит вам побег, тогда и никаких подозрений не возникнет. Срочно разыщите его. Мне кажется, он готов к такому разговору, да и избавиться от вас в его интересах.

Азамат ничуть не удивился просьбе. Напротив пожурил Рахмана, что потеряно столько времени. Он твердо заверил «дорогого брата», что самое большее через три дня надежные люди переправят его в Америку. А уж исчезнуть из лагеря дело настолько пустяковое, что об этом и думать нечего.

Х Х

Х

...Они снова сидели все в той же венской кондитерской «Аида». Куратор, не любящий его прозвища Китаец, посмеивался, когда Рахман то и дело прикладывал ладонью то к одной, то к другой щеке. Гладкая, без бороды, кожа холодила и была непривычной на ощупь.

– И все же, как сам считаешь, почему шейх ибн Халид столь быстро и безоговорочно поверил тебе до такой степени, что дал пароль к самому Иорданцу. Может, провокация. Или, как минимум, дополнительная проверка.

– Ни того, ни другого исключать конечно нельзя, – согласился Китаец. – Хотя, возможно, все гораздо проще. В Гуантанамо практически не осталось серьезных боевиков, во всяком случае, нет той фигуры, которой можно было дать подобное поручение. Азамата я в расчет не беру – он нужен Шейху на месте. Для чего, я выяснить так и не успел. Провокацию я практически исключаю, хотя мои доводы основываются не более, чем на интуиции. Словами не объяснишь, но у меня создалось убеждение, что, выбрав меня, шейх играет ва-банк. Ну, а что касается проверки, то здесь вскоре все будет ясно. Если пароль не сработает на первом этапе, значит, он не сработает вовсе, и ни до какого Иорданца мне никогда не добраться.

– Наши аналитики немедленно начнут обрабатывать твою информацию. И если она соответствует действительности, то ее важность переоценить невозможно. Впрочем, я думаю теперь уже о другом. Правдивость сведений, которыми тебя снабдил, или вернее сказать, наделил шейх, означает, что в твоей работе начнется совершенно новый этап. Новый и, пожалуй, самый для тебя опасный. Гораздо опаснее даже того, когда ты оказался практически в самом логове Бин Ладена. Ты готов?..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Появился Волк

Шумный, пыльный, разноголосый и разноплеменный город, в котором он родился, был похож, как две капли, на архаичный восточный базар, каковым по сути и являлся – приветливым, неприхотливым, в меру лживым, но чрезвычайно при этом добродушным и гостеприимным.

Когда-то несостоявшийся вождь мирового пролетариата сослал сюда весь цвет неудобной ему российской профессуры, цинично обозвав эту акцию «эшелонем науки». Аборигены с удивлением взирали на почтенных седовласых старцев в пенсне, с непривычными здесь бородами клинышком, даже в несносную азиатскую жару не позволявших себе выходить из дому без галстука и пиджачной пары; с удовольствием слушали в городском саду музыку духового оркестра, а облаченного в белый мундир с золотыми аксельбантами дирижера почитали если уж не царем, то его заместителем – точно. Разделенные широким арыком части города – европейская и азиатская, жили каждая своей жизнью, ничуть друг другу не мешая.

Как от первого попадания фашистской бомбы перемешалась земля, так перемешалось все в этом городе. Сюда эшелонами хлынули со всех концов необъятной страны эвакуированные и было просто непонятно, как нашлось место людям, заводам и даже киностудиям в городе, который уже много лет снискал, а теперь подтверждал каждодневной своей жизнью славу и благороднейший статус: Ташкент – город хлебный.

Х Х

Х

Ромкина семья прибыла в этот край с одним из первых эшелонов. От неминуемой гибели семью спасла будущая Ромкина мать, которой в сорок первом едва минуло двенадцать. Когда они втроем – две дочери и мать, старший брат девчонок еще в 39-м был призван в Красную Армию, возвращались с эвакуационного пункта, двенадцатилетней Соне в туфельку попал камешек и слегка поранил ногу. Она присела на обочину и долго хныкала, жалуясь на боль и не желая идти дальше. Двинулись только после строгого материнского окрика. Их дом, куда они шли,

чтобы собрать вещи, уже был виден, когда в него угодила немецкая бомба. От дома осталась только каменная пыль. Окажись семья возле дома хоть на несколько минут раньше... Словом, обычная для того необычного времени история.

Сначала их отправили в колхоз, где они, все трое, выращивали и собирали хлопок. В сорок третьем перебрались в Ташкент. Городские власти выделили эвакуированным по делянке земли, помогли кой-какими стройматериалами. Впрочем, основной стройматериал валялся, в буквальном смысле, под ногами. Из глины, соломы и кизяка местные в огромных деревянных формовочных корытах месили ногами густую смесь, которая потом, обожженная нещадным азиатским солнцем, превращалась в довольно прочные кирпичи. На семью из трех человек полагалась девятиметровая комната. Четыре палки, навес из толя, или рубероида, и керосинка, либо керогаз, установленные перед входом, вполне заменяли кухню. Называлась все это красивым претенциозным словом «палисадник». Глинобитные мазанки, построенные эвакуированными, замкнутыми прямоугольником образовывали коммунальные дворы. С началом весны во двор выносились раскладушки, сборные кровати, сколачивались деревянные топчаны. Днем старухи, каждая в своем палисаднике, готовили еду и варили варенье, дети играли на топчанах, делали уроки, ночью здесь же спали. В кино и в баню отправлялись не семьями, а целыми дворами.

Ромкина бабка устроилась на завод, где из семян хлопка отжимали продукт первой необходимости для всех местных жителей – хлопковое масло. Бабка обзавелась грелкой и когда работала в ночную смену, наполняла резиновый сосуд еще теплой тягучей жидкостью, прятала его под подол широкой юбки и торопилась на базар, где пронырливые перекупщики ждали «товар» до пяти утра – не позже. Бабкино деяние было четко прописано в уголовном кодексе, статья по военному времени – расстрельная. Однако ни страха, ни угрызений совести она не испытывала, а истово осуществляла самую священную для женщины миссию – кормила своих детей.

Тогда же, в сорок третьем, пришло с фронта извещение, в котором матери сообщали, что ее сын – разведчик Роман Лучинский пропал без вести. Баба Сима, как к тому времени эту сорокатрехлетнюю женщину величал весь двор, внешне на письмо отреагировала весьма стойко. Она перечитывала по многу раз извещение всему двору и собственным детям, неизменно добавляя, что материнское сердце знает точно – сын жив, найдется непременно. Вот только согнулась она с тех пор, как от непомерной тяжести, обрушившейся не нее, да так больше никогда, до конца дней своих, и не распрямилась. И фильмы о войне смотреть перестала. Даже когда телевизоры появились, выходила из комнаты, едва только на экране звучал первый выстрел, или появлялся человек в военной форме.

Своего сына Рому она просто боготворила. По ее рассказам выходило, что он обладал незаурядным умом, стремился учиться и, когда у нее уже было трое детей, достаточно молодая вдова перебралась из маленького еврейского местечка в Харьков с единственной целью – дать сыну образование. Роман блестяще закончил рабфак, поступил в институт, ему, как одаренному юноше, предоставили место в общежитии, назначили стипендию.

Никогда до этого не работавшая женщина закончила недельные курсы продавцов и стала торговать конфетами с лотка. Девчонки росли, требовали кукол и бантов, сын по выходным приходил к маме и сестренкам. Все было прекрасно, не хватало только денег. Тогда она скопила, сколько смогла, пришла к директору торгового и по-деловому выложила скопленное на стол. Об этой истории бабка рассказывала так: «Я сказала ему прямо. Товарищ директор, у меня трое детей, денег с конфет не хватает. Что же мне воровать прикажете. Войдите в мое положение, поставьте меня на пиво. Он был умный человек, он поставил меня на пиво».

Слушая этот рассказ, Ромка хохотал от души:

– А ты пиво чем разбавляла, водой из крана, или из арыка?

Бабка непритворно сердилась: «Из какого еще арыка? Не было в Харькове никаких арыков. – Она быстро успокаивалась, хитро шурилась. – Ну, я немножечко не доливала и пены делала побольше... Но ни-ког-да не разбавляла», – добавляла она твердо.

Когда пришло сообщение, что Роман пропал без вести, дочерям она твердо заявила: из Узбекистана мы никуда не уедем, так как последние от нас письма Ромочка получил с местными адресами и когда объявится искать нас будет здесь, а не в Харькове, тем более он из писем знает, что харьковский дом разбомбили фашисты. Она твердила это, пока не закончилась война, и еще шестнадцать послевоенных лет – похоронка на сына пришла в 1961 году.

У бабы Симы было три заклятых врага – Буденный, Гитлер и Митька. В годы гражданской войны лихие конники в серых вислоухих шлемах с криво нашитыми красными звездами во главе со своим впоследствии легендарным командармом и будущим маршалом доглатили их семейное поместье на Украине. Семья была зажиточной, к юной Симочке даже гувернантка приходила, обучала ее различным наукам и языкам – немецкому и французскому. Гитлер отнял у нее сына, а Митька – старшую дочь. Митька был лихим парнем, вернувшимся с фронта с сияющими медалями на вылинявшей гимнастерке и трофейным мотоциклом марки «Харлей». Женихом по тем временам он считался завидным, окрестные девчонки ссорились между собой за право прокатиться с ним на его тархтящем и нещадно дымящем исчадии ада. Митька лишь загадочно улыбался, перекатывая во рту папироску, да газу прибавлял. После того, как мотоцикл рухнул в глубокий овраг, не удержавшись на кромке, врачи Митьку кое-как по частям собрали, а вот старшую бабкину дочь им спасти не удалось.

Х Х
Х

...Откуда в их городе появился этот юный арабский коммунист, теперь уже точно и не скажешь. Его появление было окутано сплошь тайнами и секретами. Поговаривали, что у себя на родине его приговорили к расстрелу, но соратникам по партии удалось

мальчишку выкрасть и его, чуть ли не в каком-то контейнере, тайком переправили в Советский Союз. Джамал Зевар-Ага имени своему внешностью соответствовал на все сто – в переводе с арабского Джамал означает «красивый». Джамал был высок, широкоплеч и строен, от его серых глаз, опущенных длинными густыми ресницами, исходил ровный теплый свет. Одевался Джамал всегда с иголки – специально установленной для него стипендии вполне хватало на безбедное существование, а выделенная молодому коммунисту служебная однокомнатная квартира в центре города делала жизнь вполне комфортной.

Довольно легко он освоил и русский, и узбекский языки, местом обучения ему определили сначала институт народного хозяйства, а после и самое элитное по тем временам заведение – Высшую партийную школу. Получив второй диплом о высшем образовании Джамал Зевар-Ага немедленно поступил в аспирантуру, заявив о своем стремлении защитить кандидатскую диссертацию. И не потому вовсе, что влекла его наука. Время пребывания в СССР арабского коммуниста Зевар-Ага было оговорено четко: он живет здесь пока учится, а овладев знаниями в полном объеме, должен будет употребить их на благо развития компартии на своей исконной родине, о чем Джамалу даже подумать и то страшно было.

С «дюймовочкой» Соней они познакомились в парке. Девушке так хотелось мороженого в тот душный, без малейшего дуновения ветерка вечер, а очередь к тележке была такой нескончаемой, что галантный молодой человек приобрел две порции и протянул Соне вафельный стаканчик с пломбиром. Открыв крошечный кошелек, Соня выуживала оттуда монетку, когда почувствовала прикосновение прохладной руки. Она подняла глаза и услышала приятный голос с непередаваемо завораживающим акцентом:

– Ну, что вы, не надо никаких денег. Могу я просто угостить девушку мороженым?

Соня отчаянно запротестовала, тогда молодой человек засмеялся и сказал: «Девушка, это не угощение, это плата».

– Плата? За что?

– За то, что вы покажете мне этот дивный парк, в котором я оказался впервые. Даже не знал, что в этом городе есть такое замечательное место. Мне сказали, что здесь можно покататься на лодке. Это так?..

– Да, здесь есть озеро, его называют Комсомольским, потому, что котлован под озеро рыли комсомольцы на субботниках, – подтвердила Соня. – Если хотите, могу показать, где находится лодочная станция.

Они двинулись к озеру, и уже вскоре Джамал сильными гребками весел вывел лодку на середину водоема.

– А ведь мы с вами до сих пор не познакомились, – сказал он и представился. – Меня зовут Джамал, а полностью Джамал Зевар-Ага, хотя для вас я, конечно же, просто Джамал.

– Соня, – произнесла она едва слышно, все еще смущаясь этого необычного, но такого милого человека.

– Соня. Какое чудесное имя! – воскликнул Джамал. – А можно я буду звать вас Соня, на местный манер?

В ответ она лишь кивнула. Они встречались каждый вечер. Прибывав после работы с фабрики, она помогала матери по хозяйству, наглаживала одно из двух платьицев своего немудрящего гардероба, чистила зубным порошком парусиновые туфельки и убегала. Мать догадывалась, что к дочке пришла любовь, тревожилась, но ни о чем не спрашивала – из Сонечки и в детстве лишнего слова не вытянуть было. Джамал, как сам выразился, практиковался с ней в русском языке, сначала шутя, а потом и серьезно стал учить ее арабскому, поражаясь, как на лету усваивает Соня незнакомый язык. Способности у нее были поистине уникальные. Через какое-то время они уже даже спорили, на каком языке им общаться, а потом пытались установить график – день арабский, другой день – русский. В своей уютной, не по-мужски ухоженной квартире, Джамал угощал ее виртуозно приготовленными арабскими блюдами, Соня баловала любимого украинскими варениками и узбекским лагманом, а то лепила самсу, либо манты – тесто у нее получалось просто воздушным.

Разговоров о будущем молодые с некоторых пор избегали. Как-то раз Джамал вернулся домой не в духе. Соня, у которой были ключи, пришла пораньше и затеяла крутить фарш на голубцы. Резко и громко хлопнула входная дверь. Она даже не сразу заметила его озлобленность, а когда он заговорил резким тоном, вздрогнула от неожиданности – такого Джамала ей еще видеть не приходилось. Выяснилось, что днем он побывал в каком-то важном правительственном учреждении, где молодому коммунисту напомнили, что после защиты диссертации, ему необходимо вернуться на родину – таковы требования двусторонних соглашений между странами.

– Они что, не понимают, меня там убьют как только я сойду с трапа самолета?! – возмущался Джамал и сквозь зубы процедил несколько проклятий на арабском языке.

– Милый, ты, наверное, забыл, что я теперь все понимаю, – попыталась разрядить Соня обстановку, но он лишь досадливо отмахнулся. Потом резко развернулся в ее сторону, крепко сжал руку и непререкаемым тоном произнес:

– Ты сегодня останешься здесь, и вообще теперь будешь жить у меня.

– Но мне даже переодеться не во что, и вообще, как же мама...

Он не дал ей договорить, прервав жестко: «Тебе придется выбирать – или я, или твоя мать».

Она решительно высвободила руку и твердо, неожиданно даже для себя, отчеканила: «Никогда я не сделаю такого выбора. Человек, предавший мать, предаст кого угодно». Джамал

опешил. Он не ожидал от своей безропотной и, как казалось ему, во всем покорной Сонии такой решимости. Из оцепенения его вывел тихий щелчок замка закрывшейся за ней двери.

Они помирились через неделю. Джамал явился к проходной фабрики с огромной пунцово-розовой розой в руках, как раз в тот момент, когда закончилась смена. «А женишок-то у тебя, Сонька, жмот, – подняли его на смех фабричные девчата, – мог бы и на букетик разориться, а то, вишь ты, сорвал, небось, в нашем сквере розочку и на тебе – явился, не запылится». Она ничего не ответила, подошла к Джамалу, молча забрала у него цветок и, взяв под руку, пошла рядом...

В тот день, когда Соня узнала, что беременна, Джамал улетал в Москву. Накануне он сказал многозначительно, что от этой поездки зависит его, а, значит, и ее будущее. Соня обещалась приехать в аэропорт, но в поликлинике была большая очередь и когда она добралась до аэропорта, пассажиры московского рейса были уже в самолете. Две недели она прожила в оцепенении. Каждый вечер приезжала в его квартиру, готовила ужин, через два-три дня выбрасывала приготовленное и вновь хлопотала у плиты. Бутылка шампанского, которую она купила, так и осталась стоять в холодильнике нетронутой. В один из вечеров, когда она с наполненной авоськой

вошла в подъезд, то увидела на знакомой двери бумажную наклейку с надписью «Опечатано», неразборчивой закорючкой и сургучной печатью.

В их коммунальном дворе каких только людей не было. Жила и одна семья, с которой никогда не ссорились даже самые скандальные соседи. Николай Афанасьевич был художником, его жена Элеонора Александровна, бывшая балерина Большого театра, преподавала в местном хореографическом училище. Вот к дяде Коле и отправилась Соня за советом. Он выслушал ее внимательно и переспросил настороженно: «Точно знаешь, что коммунист? А то ведь у нас, девонька, к дружбе с иностранцами сама знаешь, как относятся...», и он многозначительно замолчал.

– Коммунист, дядя Коля, точно – коммунист, – горячо заверила его Соня. – Он даже взносы платил.

– Ну ладно, коли так, – проворчал Николай Афанасьевич. – Вот что я тебе скажу. Всеми делами иностранцев ведает МИД – министерство иностранных дел, вот туда тебе и надо обратиться. Зайдешь в приемную для посетителей, это на первом этаже. Не вдаваясь в подробности, объяснишь, так, мол, и так, беспокоюсь за своего друга, все ли с ним в порядке. И поменьше подробностей, там они никому не интересны, а тебе только навредить могут. А еще лучше, если ты вообще никуда не пойдешь, а будешь спокойно ждать, когда твой друг вернется, или ждаст о себе знать. Но я вижу, что это совет тебя никак не устраивает.

На следующий день Соня взяла на фабрике отгул и отправилась по адресу, указанному соседом. Народу в приемной оказалось немного и уже вскоре она зашла в кабинет, где за огромным столом сидел полный пожилой человек в строгом черном костюме, но очень добрыми, как ей показалось, глазами. Он, не перебивая, выслушал посетительницу и, не задав ей ни единого вопроса, попросил обождать в коридоре. Через полчаса, ей показалось, что прошла вечность, к ней подошел другой человек и предложил зайти в кабинет на втором этаже.

– Вы интересуетесь человеком по имени Джамал Зевар-Ага, – утвердительно произнес хозяин кабинета. – А кем он вам доводится?

– Друг, – коротко ответила Соня, густо покраснев.

– Вообще-то мы даем справки только родственникам и по запросу официальных организаций. Вам мы отвечать не обязаны. Но в порядке исключения скажу. Произошло какое-то недоразумение. Человек с таким именем в нашем городе никогда не жил и нам о нем ничего не известно.

– Этого не может быть, – пробормотала ошеломленная девушка. – Он же партийную школу закончил, и аспирантуру тоже... Скажите, может быть, я могу где-нибудь еще узнать про него?

Ответ последовал резкий: «Подобные вопросы не в моей компетенции».

На следующий день, сразу после обеда, Сою вызвали в фабком. В комнате за столом председателя фабкома оказался незнакомый Соне молодой человек.

– Вчера вы были в МИДе, – начал он разговор. – Интересовались человеком по имени Джамал Зевар-Ага. Расскажите, какие у вас были с ним отношения, о чем вы говорили, когда встречались, были ли вы с ним в интимной близости.

– Мне бы не хотелось обсуждать эту тему, – робко возразила Соня.

– Вы, видимо, не понимаете, кто с вами сейчас разговаривает. Я сотрудник Комитета государственной безопасности. И вы обязаны отвечать на любые мои вопросы и обсуждать со мной любые темы, которые нас интересуют, – голосом он особо выделил слова «обязаны» и «любые».

– Мы просто дружили, – пролепетала Соня. – Он коммунист, я комсомолка, что плохого в нашей дружбе?

– Что в вашей дружбе было плохого, нам еще предстоит разобраться, – многозначительно заметил ее собеседник. А сейчас отвечайте на мои вопросы.

Позже она не могла вспомнить ни его вопросов, ни своих ответов. Казалось, земля уплывает из-под ног, к горлу подступил противный комок. В себя она пришла, только когда он поднялся, неловко, с резким звуком, отодвинув стул.

– А теперь слушайте меня особенно внимательно и запомните каждое мое слово. Вчера в министерстве иностранных дел до вашего сведения довели, что человек по имени Джамал Зевар-Ага никогда не проживал ни в нашем городе, ни в нашей республике. А посему и вы никогда впредь не будете ни разыскивать этого человека, ни интересоваться его судьбой. Сейчас вы напишите заявление, где обязуетесь выполнять неукоснительно это требование.

Х Х
Х

...Малыш родился длиннющий, смуглокожий, с темными волосенками на голове. Оформлять свидетельство о рождении она поехала одна. Сына назвала Роман, отчества дала своего отца, в графе «отец ребенка» красовался прочерк. Когда баба Сима прочитала метрику своего единственного внука, где значилось «Роман Ильич Лучинский», она прослезилась и, взяв кулек с ребенком, уселась на диване, прижав младенца к себе.

Мамочка, наш Рома тоже был Роман Ильич Лучинский, так что у него теперь появился племянник – его полный тезка и однофамилец. Разве я что-то не так сделала?

Все так, все правильно, – сквозь слезы приговаривала баба Сима. – Вот вернется Ромочка и будем мы их путать.

– Только бы вернулся, а там уж как-нибудь разберемся, не перепутаем, – еле слышно прошептала Соня.

На том все разговоры по этому поводу были прекращены в их семье надолго. Только после того, как на дядю Романа пришла похоронка, Ромку посвятили в историю его имени, ничего так и не сказав об отце.

Ромка младенцем был болезненным, то и дело попадал в больницу, и в палату вместе с ним укладывалась не мама, а баба Сима. Она и кровь ему свою дала, когда мальчишке потребовалось переливание, тем более, что и группа крови у них оказалась одинаковой. Дворовая детвора называла его просто Ромкой, мать не признавала никаких уменьшительно-ласковых имен и обращалась только «Роман», бабушка говорила то «Ромочка», то «Ромашка», на

последнее он сильно сердился. Но все больше предпочитала говорить «сыночек». Он и рос с искренним, до поры, до времени убеждением, что у него две матери. Одну называл «мама Сима», другую «мама Шоня» – в раннем детстве шепелявил, а потом и сам, и все окружающие привыкли так называть Соню, да и она не возражала: Шоня так Шоня.

В округе каких только не было национальностей. И русские здесь жили, и узбеки, армяне, татары и евреи, азербайджанцы и украинцы. Годам уже к четырем Ромка свободно болтал на самых разных языках. С армянами здоровался «барев дезз», евреев степенно приветствовал «шалом алейхем», азербайджанскому приятелю, подзывая его, кричал «гяль бюра», воробья называл «горобец», а отправляясь в булочную за хлебом, неизменно осведомлялся у однорукого узбека-продавца: «нон иссыкми?» – хлеб горячий?

Секретным для него в их семье оставался только еврейский язык идиш, из которого Ромка знал лишь несколько слов, преимущественно ругательных. Когда мама Сима хотела что-то от него скрыть, то к маме Шоне обращалась именно на идиш. Ромку это злило и обижало. «Чего секретничаете?», ворчал он. Как-то мама Шоня, шутя, обняв сына, пообещала: «Ладно, Роман, у нас с тобой будет свой секретный язык. Научу тебя говорить по-арабски».

– А ты умеешь? – загорелся Ромка. – Он знал, что мать прилично говорит на французском и немецком, понимает идиш, но про арабский слышал впервые. Он не отставал от Шони до тех пор, пока ей не пришлось выполнять своей обещание. Во время этих уроков мама Сима вскипала, как чайник на керосинке: «тьфу, плевалась она, и, обращаясь неизвестно к кому, добавляла на идише, – абрехеде коп (сломай голову)».

Арабский язык увлек мальчишку не на шутку, способности к языкам он видно унаследовал от матери, и вскоре уже поражал своих сверстников незнакомыми им словами.

С детворой Ромка ладил. В их многоликом городе национальных различий по сути не было. Жили себе и жили, не интересуясь и не задумываясь, кто какого происхождения, почему у одного вихры торчат белые, а у другого черные, да отчего разрез и цвет глаз не у всех одинаковый. В почете было нечто особенное, что отличало их друг от друга. К примеру, Павлик по прозвищу Бублик не боялся кипятка. Он кругами ходил вокруг чьей-нибудь кухни, где варился ароматный борщ и, стоило хозяйке на мгновение отвлечься, тут же запускал в кипящую кастрюлю свою вечно невытую, в щипках лапу, вытаскивая кусок мяса. Витька умел играть на балалайке и учился игре на баяне, Вовка-немец, вредный и противный, ловчее всех гонял мяч, Полинка из угловой квартиры лучше всех танцевала и тетя Эля определила ее учиться в хореографическое училище, где сама преподавала. А Ромка раньше всех научился читать и считать и крепким, преодолев младенческие болезни, стал настолько, что его одного подпускал к своей наковальне и давал подержать щипцами кусок расплавленного металла кузнец дядя Максуд.

Когда ему сравнялось семь лет, мама Сима и мама Шоня взяли пацана за обе руки и торжественно повели в двухэтажный городской универмаг на улице Карла Маркса, где была приобретена школьная форма, желтый, скрипучий, остро пахнущий кожей портфель, пенал, а главное – замечательная фуражка с кокардой и лаково блестящим козырьком. 1 сентября его провожала мама Шоня. Она несла в руке букет осенних цветов, а к Ромкиному портфелю было привязано два мешочка – с чернильницей-невыливайкой и завтраком. Во время первого урока взволнованные родители первоклашек сидели на школьном дворе, а после звонка туда вышла строгая учительница. Каждому из родителей она что-то говорила про их детей, а к маме Шоне обратилась отдельно: «Вы – Софья Ильинична Лучинская, мама Ромы? Подождите, пожалуйста, мы с вами сейчас пойдем к директору». Разговор у директора оказался для мамы Шони полной неожиданностью. Учительница уверяла, что Рома настолько хорошо читает, и считает, что в первом классе ему делать попросту нечего. Дескать, заскучает, будет сам отвлекаться и других детей отвлекать, а в итоге потеряет интерес к занятиям. Одним словом, учитель-

ница рекомендовала перевести Ромку сразу во второй класс. Директор предложил немедленно позвать вундеркинда и проэкзаменовать его тут же в кабинете.

Когда Ромка увидел представительного узбека в белой шелковой рубашке, вышитой цветным украинским узором, он прижал обе ладони к левой стороне груди, чуть поклонился и почтительно произнес: «Ассалом алейкум, домулло», и сам себя перевел: «Здравствуйте, уважаемый учитель».

– Вай! – воскликнул директор. – Ты что же, узбекский язык знаешь?

– Не только узбекский, и азербайджанский знаю, и армянский, и арабский, – единым духом выпалил мальчонка.

Пораженный директор не сел, а упал в кресло, восклицая: «Да ему и во втором классе, похоже, тоже делать нечего».

На второй урок Ромка теперь уже опоздал, а на третий его торжественно отвели во второй класс.

Х Х

Х

Директор школы Ахат Маннапович Раззаков личностью был поистине незаурядной. С блеском закончив факультет восточных языков университета, он в совершенстве владел несколькими арабскими диалектами и распределение получил не куда-нибудь, а напрямую в министерство иностранных дел. Загранкомандировки следовали одна за другой, Раззакову прочили блестящее дипломатическое будущее. Но судьба-злодейка, вернее злодей в образе зеленого змия сыграл с ним роковую роль. Частенько приглашая после заграничных командировок своих сослуживцев в чайхану, Ахат удивлял их своим совершенным знанием разнообразнейших вин, а водку «столичную» от «московской» отличал, не глядя на бутылку. История стара как мир. Вместо неудержимого подъема вверх по карьерной лестнице, он стремительно покатился вниз. Ненадолго задержался в одном из вузов, но уже вскоре каждый студент знал, что новый препод охотно променяет пребывание в душной аудитории на столик в открытом кафе, где после возлияния поставит в зачетку все, что его попросят.

В итоге, да и то не без стараний влиятельных родственников, Ахат Маннапович осел директором обычной средней школы. Работающая здесь пожилая женщина-завуч с гордостью носила на лацкане жакета значок отличника народного образования, и беззаветно влюбленная в педагогику, с удовольствием тянула всю работу сама, радуясь, что новый директор, от которого постоянно исходил острый пряный запах мускатного орешка, ни во что не вмешивается.

Ахат Маннапович учеников своей школы не различал, но вот «вундеркинда», поразившего его воображение, запомнил накрепко. Он даже на переменах выходил из своего кабинета, чтобы отыскать на школьном дворе смышленного мальчишку и заговорить с ним, предпочитая арабский язык. Класса с пятого Ахат Маннапович стал приглашать Лучинского домой, обучал его арабской письменности, давал читать книги по истории, привил любовь к русской классике. Он искренне привязался к этому чужому мальчишке, видимо, компенсируя тем самым отсутствие собственных детей. Он, первым, пожалуй, разглядел в своем ученике уникальные способности к языкам, великолепную память, блестящую восприимчивость к любому изучаемому предмету, и старался дать этому мальчишке все, что мог – знания, житейский опыт, мужскую, по сути отцовскую, любовь.

Примерно тогда же появилось у Романа новое увлечение. Увидев в каком-то журнале схему и описание транзисторного приемника, он решил собрать его сам. Весь класс писал контрольную работу по математике, когда в тишине, где лишь перья поскрипывали, во всю мощь грянул разухабисто-молодецкий хор военного ансамбля: «Раскудрявый, клен зеленый, лист резной...» Это, после целого месяца неудач, ожил, наконец, первый Ромкин транзистор,

который он умудрился впихнуть в кем-то выброшенную старую мыльницу. Математичка была недавней выпускницей пединститута, детей боялась пуще огня и из всех методов воспитательного воздействия усвоила пока только один. «Лучинский, немедленно выйди из класса и отправляйся к директору», велела она.

К Ромкиным чудачествам одноклассники вскоре привыкли и прозвище ему дали Китаец, когда он однажды на уроке химии с пеной у рта доказывал, что порох изобрели китайцы, а учительница с непонятым упорством его опровергала. Китаец жил в своем, изолированном от внешнего влияния мире. Когда сверстники торопились в спортзал или на стадион, он отправлялся к Ахату Маннаповичу, где часами обсуждал на арабском языке недавно прочитанную книгу. В то время, как его одноклассники шли на танцы или прогуливались по аллее парка с девчонками, Китаец корпел над сборкой какого-нибудь сверхсложного радиоприемника. Силища в нем была недетская – постоянное общение с железками у кузнеца Максуда давали себя знать. А вот на уроках физкультуры он с трудом преодолевал гимнастического «коня», и на беговой дорожке его обгоняли даже девчонки. Однажды ребятам для комплекта не хватило одного игрока и они попросили Китайца выйти на футбольную площадку. Первый же удар по оказавшемуся у его ног мячу завершился вызовом «скорой помощи» и загипсованной голенью.

Девчонкам он поначалу нравился – высокий, стройный, широкие прямо развернутые плечи, смуглая бархатистая кожа, а ресницы такие, что представительницам прекрасного пола только завистливо вздыхать приходилось. Но как только они оказывали ему какие-либо знаки внимания, он недоуменно пожимал плечами. Да один его непонятный взгляд чего стоил. Уставится своими серыми глазницами и смотрит подолгу, не мигая. Ни слова доброго не скажет, ни улыбнется. Так что интерес к дальнейшему общению пропадал также быстро, как и возникал.

А мама Шоня с каждым днем все отчетливее понимала, что внешне сын становится точной копией отца. Рост, фигура, строение ладоней, даже походка и поза во сне – все напоминало Джамала. Вот только сдержанностью и молчаливостью пошел он в нее. Джамал, тот велеречивым был, способным разговорить кого угодно, а уж как комплименты расточал, словно стихи слагал.

Когда Роман учился в десятом классе, Ахат Маннапович все настойчивее стал поговаривать о том, что его любимому ученику нужно поступать на востфак, тот самый факультет, который некогда заканчивал и сам Раззаков. А однажды учитель высказался напрямую: «Ты добьешься того, чего не сумел сделать я, станешь настоящим дипломатом. – И пообещал твердо. – Я помогу тебе подготовиться.

А вот мама Шоня, узнав о выборе сына, почему-то опечалилась.

– Зачем тебе, Роман, этот факультет? – Арабский язык ты и так знаешь. Поступал бы лучше в какой-нибудь технический вуз, вон всем соседям радиоприемники и телевизоры чинишь, руки у тебя золотые, все говорят.

И все же он уступил настояниям директора школы, отнес документы в приемную комиссию университета. Первые три экзамена сдал легко, получив две «пятерки» и одну «четверку», а перед четвертым и вовсе не волновался. Абитуриентам было предоставлено право сдавать на выбор английский или арабский языки. Ромка, конечно же, выбрал арабский.

– После экзамена забежишь домой, порадуешь своих, а потом сразу ко мне, я плов приготавливаю, – напутствовал его накануне вечером Ахат Маннапович.

Экзаменатор оказался довольно молодым мужчиной. Он согласно кивал головой, слушая ответы Романа, но с каждой произнесенной им фразой отчего-то хмурился все больше и больше.

– Достаточно, – наконец произнес он и, взяв экзаменационный лист, что-то быстро в нем начертал, сложил вдвое и протянул абитуриенту:

– Вы, юноша, явно переоценили свои возможности, выбрав для сдачи вступительного экзамена арабский язык. Я поставил вам «неудовлетворительно».

– Что вы мне поставили? – недоумевая, переспросил Рома.

– Я поставил вам «два», неужели не ясно? Подготовьтесь, как следует, и на будущий год попробуйте поступать снова, если, конечно, не заберут в армию.

До дома Ахата Маннаповича Роман брел пешком. Он перебирал в памяти каждую произнесенную им арабскую фразу и не понимал, где совершил ошибку. Директор распахнул дверь сразу, видно с нетерпением ждал появления гостя. Понурый вид Романа как губкой стер с его лица улыбку, а из глаз – выражение счастливого нетерпения.

– Что случилось, ты заболел?

– Здоров, – выдавил из себя Ромка. – Мне поставили «двойку».

– За что? Что ты натворил?

– Ничего я не натворил. Ответил на все вопросы, он гонял меня сначала по билету, а потом еще кучу дополнительных вопросов задал. И все равно – «два».

Предательская слеза скатилась на полосатую шелковую пижаму директора. Он обхватил голову руками и начал как-то странно раскачиваться из стороны в сторону. После чего Ахат Маннапович впал в настоящую буйную истерику. Он метался по комнате, извергая ругательства невесте в чей адрес, хватал трубку телефона, порываясь кому-то звонить. Потом умчался на кухню, извлек из холодильника запотевшую бутылку водки, опрокинул доверху наполненный стакан и угомонился.

Дома печальную новость восприняли на удивление спокойно. Мама Сима, конечно, повздыхала, что-то бормоча себе под нос, а мама Шоня ровным голосом посоветовала сыну прилечь и постараться уснуть. Через несколько дней он получил повестку из военкомата.

Результат медкомиссии ошарашил Ромку не меньше, чем двойка по арабскому. Врач заявил, что у призывника Лучинского плоскостопие и от службы в армии он освобождается. Никакого плоскостопия Ромка у себя сроду не замечал и лишь недоуменно крутил в руках пахнущий типографской краской новенький военный билет, в котором появилась единственная чернильная запись: «В мирное время не годен, в военное годен к нестроевой».

– Вот и армии мой сын негоден, – не сказала, а прошептала мама Шоня, прочитав ту надпись. Потом спрятала военный билет в шкаф, где хранились все семейные документы и потянула сына за руку: «Пойдем, Роман, попьем чаю, да поговорим. Давно пора».

В тот вечер Ромка впервые узнал настоящее имя своего отца, историю любви своей матери. Мама Шоня рассказывала своему повзрослевшему сыну все без утайки – о внезапном и до сих пор непонятном исчезновении Джамала из ее жизни, и о тех мытарствах, которые ей пришлось перенести.

– Меня потом вызывали в КГБ, – вспоминала мать. – Якобы я неправильно написала ту бумагу, в которой обязалась никогда больше не интересоваться судьбой Джамала. Потом предложили мне подписать бумагу о сотрудничестве, когда я отказалась, грозили, велели подумать и сказали, что еще вызовут. Я попросилась поехать в колхоз на сбор хлопка, тогда как раз наших фабричных отправляли. В колхозе у меня чуть не случился выкидыш, положили в больницу на сохранение, так обо мне, видать, и забыли. А может, просто рукой махнули. На что им мать-одиночка с кроватной фабрики.

– Но я знала, что эта история нам еще аукнется, молила только, чтоб не на тебе. И вот... С университетом все ясно. На этот факультет, я узнавала, берут только особо проверенных. Да и в армию тебя не взяли все по той же причине. Уж им-то хорошо известно, кто твой отец. Уехать тебе надо, сын, вот что я скажу, – вдруг решительно заявила она.

– Куда уехать, мама?

– Как куда? Ты же по матери – еврей. А в Израиле национальность детей определяется по национальности матери.

- Да при чем тут Израиль? – поразился он.
- Да при том, что здесь тебе жизни не будет. Помяни мое слово, не будет.

Х Х
Х

Выйдя из голландского посольства в Москве, где размещалась группа израильских дипломатов, Ромка еще раз внимательно вчитался в печатные строки белого листка, заменявшего авиабилет. Да, все точно. Завтра в 19.00, аэропорт Шереметьево-2, рейс Москва-Вена-ТельАвив. С того памятного вечера, когда мама Шоня посоветовала ему уехать, прошло без малого пять лет. И вот теперь он – репатриант, человек без паспорта и даже без гражданства, которого его лишили, заставив при этом заплатить в сберкассе 250 рублей. А сколько событий произошло с ним за эти пять лет!

После окончания школы, бесславно провалив экзамен по арабскому языку и забракованный медкомиссией в военкомате, Ромка устроился мастером в телевизионное ателье. В городе начался настоящий бум на цветные телевизоры. Были они, честно сказать, довольно барахляцкие, часто выходили из строя и профессия телевизионного мастера, до того довольно неприметная, вдруг стала важной и необходимой всем. Уже вскоре он снискал славу лучшего мастера в городе и заполучить на установку или ремонт цветного телевизора самого Романа Лучинского считалось столь же непростой и престижной задачей, как, допустим, раздобыть из-под прилавка остро дефицитный мебельный гарнитур иностранного производства. И хотя работать ему приходилось частенько до самого позднего вечера, дело свое он любил, да и деньги зарабатывал приличные. Уже через год приобрел двухкомнатную кооперативную квартиру в районе-новостройке, начал подумывать о покупке «Жигулей». Но тут беды, сначала одна, затем другая, обрушились на их семью.

Однажды воскресным вечером, когда он вернулся домой от очередного клиента, мама Шоня, как о чем-то обиденном попросила: «Отвези меня завтра утром в больницу, Роман».

- А что случилось? – спросил он, подняв глаза от тарелки.
- Да ничего особенного, просто провериться хочу.

Утром он вызвал такси по телефону, а когда садились в машину, мать назвала водителю адрес онкологической клиники. Из больницы через месяц он повез ее на кладбище. Когда разошлись немногочисленные бывшие соседи по коммунальному двору, мама Сима посмотрела на Рому ясными глазами и сказала: «Сыночек, похорони меня рядом с Соней. Недолго уж мне осталось». Ее наказ ему пришлось выполнить через три месяца.

Вечерами он возвращался в пустую квартиру и не находил себе места. Пытался стряпать – все пригорало, либо убегало из кастрюли. Мокрая тряпка вырывалась из рук, свертывалась жгутом, хлестала по ногам и даже по лицу, но мыть пол никак не хотела.

От отчаяния и одиночества он попытался даже жениться. Но его избранница, юное существо с точеной фигуркой и кукольным личиком, оказалась не только непроходимо глупа, но и непреодолимо капризна. За мнимый, как выяснилось впоследствии, аборт, а скорее за собственное спокойствие, он отдал ей почти все, что скопил до этого на «Жигули» и потом еще долго поражался собственному, к счастью временному, ослеплению.

Приближался очередной Новый год. Утром Романа вызвал к себе заведующий ателье.

– Рома, надо сгонять на продуктовую базу, там у директора телевизор барахлит, а они коллективом праздник отмечают в собственной столовой и непременно хотят «Голубой огонек» смотреть.

– Да когда ж я успею, Леонид Матвеевич? – взмолился Ромка. – У меня заказы на весь день расписаны. К тому же я и сам собираюсь новый год в гостях встречать.

– Вот и хорошо, что в гостях, – перебил его заведующий. – База эта непростая, там сплошь деликатесы. Хорошо справишься, не откажут тебе в паре банок икорки, да килограммчике балычка. Вот и порадуешь своих друзей, да и самым дорогим гостем для них сегодня будешь. Короче, не обсуждаем. С наступающим тебя, да езжай, не мешкай.

На базу он попал только часам к семи вечера. Тучный золотозубый директор, облаченный в наимодевший костюм из блестящего серого дакрона, с огромным перстнем-печаткой на безымянном пальце правой руки воскликнул укоризненно: «А мы уж и не чаяли вас дожидаться. Но ваш начальник сказал, что приедет лучший мастер».

– Заказов было много, – проворчал Роман, снимая заднюю крышку цветного «Рубина». Поломка была непростой, а главное полетели два предохранителя, добраться до которых было целой проблемой. К тому же мешал суетливый директор, то и дело задающий свои дурацкие вопросы. Наконец, экран вновь засветился мерным голубым светом, а вслед за тем мультяшный волк в ярких цветных трусах погнался за неуловимым зайцем.

– Вот спасибо, уважили, ну право слово, уважили. Вы действительно большой мастер. Сколько мы вам должны? – затарахтел довольный директор.

– А можно мне вместо оплаты каких-нибудь продуктов у вас купить, а то идти в гости, а в магазин я уже никак не успеваю.

– О чем вы говорите, драгоценный мой. О каком «купить» толкуете?! Сейчас все принесут сюда, в кабинет, самое лучшее, самое вкусное. И никаких денег не надо. Вы нас так выручили.

Минут через двадцать он выходил из кабинета директора, унося с собой довольно увесистый пакет, в который даже заглянуть постеснялся. Мастер уже миновал, было, проходную базы, когда его окликнул вахтер: «Молодой человек, показываем вещи – что в портфельчике, а что в пакетике?»

– Я телевизионный мастер, вы же меня сами часа два назад пропускали. В портфеле инструменты, детали всякие, а пакет мне ваш директор вместо оплаты за работу дал.

– Насчет деталек ваших ничего против не имею, не наш ассортимент, – ворчливо заметил вахтер, – А вот на продукты должна быть товарная накладная, иначе не пропущу.

– А вы позвоните своему начальнику, он вам подтвердит, – посоветовал Рома.

– Звонить начальству прав мне не дано, – возразил вахтер. Вон на стеночке висит внутренний телефон, под ним список номеров, сами звоните. Портфельчик свой заберите, а пакетик пока у меня постоит.

Один за другим набирал Рома номера внутренних телефонов, но ни один из них так и не ответил.

– Послушайте, – обратился он снова к вахтеру. – Телефоны не отвечают. Может ваши сотрудники уже новый год отмечают. Вы позвольте, я пройду еще раз к директору, попрошу у него накладную, или что там у вас положено.

– Никак нет, не позволю, – в голосе вахтера уже сквозила явная издевка. – Заявочка на вас была выписана одноразовая, к тому же рабочий день закончился, а после рабочего дня посторонних не пускаем.

– Что же мне делать? – обескуражено спросил Рома.

– А идти отсюда по добру, да по здорову, пока у меня настроение хорошее. А то ведь вызову сейчас наряд милиции и оформим, как попытку вынести ворованный товар с государственной базы.

Ни к каким друзьям он в тот вечер не пошел. Купил по дороге бутылку шампанского, да так и не сообразил открыть ее в полночь – сидел на кухне и, раздосадованный, курил сигареты одну за другой. Объегорили, как пацана, да еще и позабавлялись всласть, злился он. Ишь, вахтер все разыграл, как по нотам, Сначала дал пройти почти через всю проходную, а потом вернул. И телефон директора не отвечал не потому, что он вышел, а просто знал, что кроме

телемастера звонить с проходной больше никому. У него же на селекторе видно, откуда звонят... Увидев, что на часах уже миновала полночь, он решил просто побродить по городу, где выпал редкий для этих мест снег. А когда одевался, вдруг, неожиданно для себя, вспомнил слова мамы Шони и сказал, так же твердо, как и она когда-то: «Надо уезжать».

Х Х

Х

...С утра у лейтенанта Рони Авива было скверное настроение. Собственно, это скверное настроение не покидало его уже целую неделю. С тех самых пор, как его непосредственный шеф Эфраим Гуральски объявил, что Рони переводится в отдел по приему репатриантов в тельавивский аэропорт имени Бен-Гуриона. Да при этом еще и съязвил: «Как выдающийся знаток русского языка и загадочной русской души». Это была ссылка, и не просто ссылка, а ссылка позорная. И все из-за ерунды. Подумаешь, на два дня задержался в отпуске. Но как ему было вырваться из этого пленительного Парижа, особенно когда его красавица Литаль смотрела так умоляюще и просила еще хоть разок подняться на самый-самый верх Эйфелевой башни, а потом «еще хоть разочек» прокатиться на пароходике по Сене. Да пусть весь мир перевернется, но он не откажет своей любимой, решил тогда Рони. А за два дня ни Ясир Арафат Израиль не признает, ни израильскую разведку не расформируют.

И вот теперь сиди здесь, задавай прибывающим репатриантом из России стандартные вопросы: «Кем вы работали в СССР, какую занимали должность, имели ли контакты с КГБ?»...

Через неплотно закрытую дверь Рони услышал шум множества голосов и понял, что приземлился очередной самолет. Он сверился с расписанием – так и есть, самолет из Вены. В динамике послышался голос диктора: «Дорогие репатрианты, поздравляем вас с прибытием на священную землю Израиля. Сдайте, пожалуйста, свои въездные визы, по две фотографии и дождитесь вызова для получения удостоверения нового репатрианта. Мужчин свыше восемнадцати лет просим пройти в комнату номер одиннадцать». Динамик смолк, потом, через несколько минут, зазвучал снова, повторяя то же самое сообщение.

В дверь постучали, вошел высокий парень, при виде которого Рони обомлел. Он даже глаза протер, словно отгоняя наваждение. Перед ним стоял не еврей, а самый натуральный араб. Повинуясь какому-то наитию, Рони заговорил с ним на арабском, поздоровался и спросил, откуда он прибыл, как его имя и фамилия. Парень спокойно, без какого-либо волнения или смущения ответил ему на чистейшем арабском:

– Меня зовут Роман Лучинский, сейчас я прилетел из Вены, в Вену из Москвы, а родом я из Средней Азии.

– Вы говорите на русском языке? – спросил Рони, переходя на русский.

И снова спокойный ответ, теперь уже на безукоризненном русском: «Разумеется, я же родился и жил в СССР».

– Но вы еврей?

– Да, моя мама, Софья Ильинична Лучинская, еврейка, – и счел нужным уточнить. – Она умерла.

– А кто ваш отец?

Роман вспомнил последний вечер, который он провел у постели матери в больнице. Впервые она называла его не по имени, а так как привыкла называть мама Сима.

– Сыночек, заклинаю тебя. Никогда, никому не говори, кто твой отец. Раз и навсегда – забудь его имя. Если спрашивать будут, отвечай, что это я от тебя скрывала его имя. Ты слышишь? Никогда... Никому... – она стала задыхаться, и врач выпроводил его из палаты.

«Так кто ваш отец?» – повторил вопрос офицер и Роман, чуть смущенно улыбнувшись, ответил:

– Мама никогда не хотела говорить со мной об этом. Разговоры о моем отце в нашей семье были исключены.

Уже механически задавая другие необходимые для заполнения анкеты вопросы, Рони внимательно вглядывался в нового репатрианта, пытаясь составить его первичный психологический портрет. Он понимал, что перед ним человек неординарный и лихорадочно соображал, что теперь следует предпринять. Лучинский отвечал односложно и взгляда от Рони не отводил. У него был странный, немигающий взор. «Как у волка, подумалось Рони» и на полях анкеты он черкнул на иврите: «зээв» – волк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.